

Звездные саги
Алексея Бессонова

АЛЫЕ КРЫЛЬЯ

★ ОГНЯ ★

Алексей Бессонов
Алые крылья огня

«ЭКСМО»

1999

Бессонов А. И.

Алые крылья огня / А. И. Бессонов — «Эксмо», 1999

Преданный любимой, незаслуженно преследуемый императором Кай Харкаан, мужественный воин и удачливый космический охотник, переправляется в XX век, в год начала Второй мировой войны. Однако «тихая гавань» выбрана им весьма неудачно. Этот ключевой момент земной истории – лакомый кусок для лойта, враждебного всему живому обитателя космоса, который питается энергией умирающих цивилизаций.

© Бессонов А. И., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	43
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алексей Бессонов

Алые крылья огня

Автор выражает глубокую благодарность офицерам ВВС майору В.В. Бондаренко и полковнику М.Е. Попову и неоценимую помощь в создании этой книги.

Пролог

Разумеется, вахтенному штурману Бэрри вовсе не следовало этого делать.

Сфера патрулирования осталась далеко за лениво рычащей дюзами кормой, и хвататься за положенные Уставом предфинишные тесты Рабочей Системы не было ну никакой необходимости, – но флайт-лейтенант космопорта Его императорского величества был молод и все еще полон искреннего служебного рвения. Больше всего на свете он боялся отступить от предписанных ему вахтенных процедур, тем более в своем первом боевом вылете, поэтому вчерашний кадет, сверившись с хронометражем, внес соответствующую отметку в бортжурнал и запустил генераторы Системы.

На плоской спине корабля неспешно распустился ажурный металлический цветок широкофокусной антенны, способной пронзить своими невидимыми лучами-щупальцами многие десятки парсек. Рабочая Система – основное оружие дальнего разведчика «Саламандра» – лениво зашевелилась, повела носом и, едва успев выйти в режим, огласила уютный полумрак штурманской рубки тревожным звоном предупреждающего сигнала.

На секунду Бэрри показалось, что мягкое вращающееся кресло немилосердно вылетело из-под его костлявой задницы. Развернутый перед его глазами голографический дисплей технического контроля горел девственно-безмятежным зеленым светом, свидетельствуя о полном здравии и благополучии аппаратуры, – а по голубому, несущему на себе информацию о параметрах цели, уже мчались нервные красные циферки... Что-то тяжелое и громадное, в несколько раз превышающее по своим размерам небольшую «Саламандру», сейчас стремительно резало чернильную тьму пространства, расходясь с разведчиком на встречных курсах. Здесь не было звезд, и почти полное отсутствие гравитационных возмущений позволяло точно определить и курс, и оперативные параметры загадочного странника.

Бэрри размышлял недолго. Параграфы уставов и предписаний еще не успели выветриться из его головы, и он точно знал, что ему делать. Чужак удалялся, явно не проявляя враждебных намерений, – скорее всего на такой скорости он просто не заметил «Саламандру», – значит, объявлять тревогу и поднимать экипаж не было необходимости. Но уведомить командира следовало в любом случае. Секунду поколебавшись, штурман протянул руку к панели интеркома.

Колонель¹ Дервиш откликнулся сразу же, хотя по бортовому времени ему полагалось видеть далеко не первый сон.

– Сейчас я буду, – передал он в штурманскую, выслушав довольно сбивчивый доклад вахтенного.

«Мальчишка занялся ерундой, – подумал Дервиш, накидывая на поросшие седым волосом плечи легкую кремовую рубашку с крохотными букашками погончиков, – его счастье, что я не лег, а то бы я ему всыпал...»

¹ Колонель – от англ. colonel, эквивалент воинского звания полковник. (Здесь и далее прим. авт.).

Он лукавил, как всегда, – многолетняя привычка врать самому себе не отпускала даже в полном одиночестве. Колонелю не хотелось признаваться в том, что сон не идет вторые сутки, чем ближе База, тем дальше сон: через сорок с малым часов его ждет ненавистная жена и проклятые шлюхи, эти ее дочки! Дервиш лицемерно вздохнул и отшвырнул прочь некстати догнавшую его мысль о том, что непотребные мерзавки вышли из его чресел. Врать стоило до конца.

Экипажный лифт вынес его на нижнюю боевую палубу. Неслышно скользнув вдоль короткого полутемного коридора, командир «Саламандры» приложил ладонь к дверной панели штурманской рубки.

В мягком зеленом свете козырьков пульта его смуглое лицо казалось изрубленным залегшими в глубине морщин тенями, и приподнявшийся в кресле штурман непроизвольно отшатнулся. Суровая физиономия командира еще не успела стать для него привычной. Дервиш усмехнулся и бросил взгляд на дисплей Системы.

Его тонкие губы сжались в нитку, и колонель осторожно опустил в свободное кресло. В глубине водянисто-голубых, чуть навывкате больших глаз медленно загорелись недобрые огоньки. Он хорошо знал, с кем разминулась старуха «Саламандра». Если по уму, то Бэрри, конечно же, следовало вынести благодарность по службе – быть может, даже накормить представлением к медальке. Но Дервиш знал, что делать он этого не станет.

– Я полагаю, что у вас хватит ума молчать о том, что вы видели, – проскрипел он. – Бортовой журнал... не прикасайтесь к нему! Двухминутный тест – и все. Вам ясно, лейтенант?

Штурман поглядел на командира с плохо скрываемым ужасом.

– Ваша честь хочет сказать, что...

– Моя честь много чего хочет сказать. Но говорить она ничего не станет. Выполняйте приказание, лейтенант.

Дервиш резво выбрался из кресла и шагнул к дверям. Ему сложновато было бы объяснить этому недоноску, что разведчик разминулся отнюдь не с кораблем противника. То, что промчалось мимо «Саламандры», вообще не было кораблем – по крайней мере, в обычном человеческом понимании. Слишком много десятилетий он, Лоустофт Дервиш, проболтал свою задницу в этом чертовом пространстве – вполне достаточно для того, чтобы научиться понимать, что к чему. Порождение мрака, так удивившее юного лейтенанта, держало курс на недалекую желтую звездочку, почти незаметную в укутавшей ее пыли. Колонель Дервиш хорошо понимал, что это значит.

Звездочка была родиной человечества – покинутой и многими забытой. Но так было не всегда... и Дервишу вдруг расхотелось лгать.

...Наперекор всем сомнениям успеха добьется лишь тот, кто способен действовать в любых условиях...

Хайнц Гудериан

Часть первая

Глава 1

Древняя шаланда, гордо именуемая вспомогательным судном итальянских королевских ВМС, не имела даже названия, лишь номер – 454, блеклым пятном расплзшийся по серому металлу борта. Переход от Мессины до Триполи дался суденьшку нелегко. Низкая средиземноморская волна, лениво лупившая «в скулу», то и дело заставляла корабль вздрагивать, судорожно постанывая разболтанными шпангоутами.

Немногочисленные пассажиры, порядком измученные непрекращающейся бортовой качкой, столпились на носу, возле задранной в небо крупнокалиберной пулеметной спарки, служившей на судне главным калибром, и, вцепившись в мокрый леер ограждения, глазели на приближающуюся гавань.

Их было меньше десятка, но зато представляли они едва ли не все рода войск: два танкиста, артиллерист, фельдфебель-зенитчик, бледный после недавнего ранения фрегаттен-капитан подплава, двое летчиков и тучный, то и дело вытирающий багровую лысину, чиновник Люфтваффе.

– Благодарение богу, нам не выпало встретиться с британской лодкой, – фыркая, заметил он.

Бледный подводник сплюнул в волну и скривился.

– Хотел бы я посмотреть на идиота, который стал бы ломать себе голову в проклятой тригонометрии, – он хмыкнул и снова сплюнул, – ради нашей калоши... а потом еще и отчитываться за даром истраченную торпеду. А стрелять в упор англичане боятся – их крепко контузит на малых дистанциях.

– Могли бы и всплыть, – нерешительно возразил один из танкистов, – и рассадить нас артиллерией.

– О чем мы спорим! – полушутя возмутился его коллега. – Нашли тему для дискуссий!..

– Вы совершенно правы, господин гауптман, – поддержал его подводник, поправив на голове мятую фуражку. – Дошли без потерь и приключений – и хорошо. Что об этом болтать!

– Вас ждут в итальянском штабе? – неожиданно подал голос один из летчиков, невысокий худощавый обер-лейтенант с памятной лентой «Legion Condor» на рукаве приталенного белого кителя.

Подводник уважительно покосился на его Железный крест и кивнул.

– А вы что, относитесь к любителям хороших макарон? Что ж, приглашаю...

Пассажиры катера одобрительно заржали. В ответ обер-лейтенант сдержанно хмыкнул и достал из кармана золотой портсигар с орлом Люфтваффе на крышке.

– Макароны я и в самом деле люблю... хорошие макароны. Здесь, в Триполи, должен торчать мой старый приятель по Испании – лейтенант Луиджи Скалья. Сейчас он скорее всего уже стал большим начальником. Встретите, передавайте привет от Синего Дирка, он поймет.

Фрегаттен-капитан молча кивнул. Продолжать разговор никому не хотелось – за время перехода случайные попутчики успели обсудить все возможные общие темы и говорить уже, кажется, было просто не о чем, да и близость берега сделала свое дело, пора было собираться к выходу.

Вынырнув из-за далекого облака, в призрачно-голубой бездне утреннего неба возник длиннокрылый двухмоторный силуэт, заблестел отраженным серебром бортов. Машина неспешно шла на предельной высоте, гудение ее двигателей доносилось до земли тоненьким комариным пением.

– Британский разведчик? – с тревогой спросил подводник, задирая вверх голову.

– «Веллингтон», – презрительно ответил обер-лейтенант, – старый тихоход. Здесь их еще много, они стоят на Мальте и в Александрии. Говорят, англичане хитрят, сажают на них польские и чуть ли не норвежские экипажи. Интересно, о чем думают итальянцы?

Чиновник авиации сокрушенно махнул рукой. О беспечной тупости итальянских служб предупреждения ходили едва ли не легенды. Рассуждать на сию тему не было смысла. Возможно, он и посудачил бы об этом с опытным летчиком в белом кители, но присутствие под боком юного фельдфебеля-пикировщика, уже успевшего переодеться в тропическое хаки и без конца сожалевшего о том, что ему так не повезло опоздать на героическую критскую операцию, отбивало у старика охоту распускать язык. В восторженных глазках мальчишки так и светился недавний «гитлерюгенд» и, возможно, связи с вездесущим гестапо. «Ничего, – поду-

мал чиновник, – британские зенитки вышибут из тебя эту дурь – если, конечно, раньше ты не нарвешься на парочку „Киттихауков“, которые разделают твою „штуку“² быстрее, чем ты успеешь позвать маму...»

Четверть часа спустя измученный катер наконец встал возле основательно прогнившего деревянного пирса в рыбацком закутке триполитанского порта. Прощанье было недолгим и каким-то скомканным – все спешили наконец оказаться на твердой земле. Чиновника ждал запыленный транспортер «Хорьх», остальные двинулись пешком в расположенную поблизости немецкую комендатуру. Обер-лейтенант в белом мундире отстал по дороге, но на его отсутствие никто не обратил внимания – ушел человек, значит, так ему и надо.

Отмечаться в комендатуре он и не собирался. Незаметно шмыгнув в полутемный проход между нестерпимо воняющими рыбой покосившимися цехами, летчик вышел на залитую солнцем площадку, где среди согнутых под тюками смуглых спин ливийцев то и дело мелькали зеленые мундиры итальянских солдат и офицеров, и завертел головой.

– Обер-лейтенант Винкельхок? – задорно окликнул его молодой тенорок из кабины помятого канадского «Шевроле» с наскоро намалеванными пальмами Африканского корпуса.

Летчик повернулся на голос. Хлопнув дверцей, из грузовика шустро выскочил мальчишка-лейтенант в хаки. Песочного цвета шорты делали его похожим на старательного младшеклассника, и прибывший не удержался от короткой усмешки.

– Лейтенант Гопке! – отчаянно затараторил парень, держа руку у широкополого «тропического» шлема с орлом Люфтваффе на боку. – Прибыл за вами согласно распоряжению командира...

– Вольно, герр лейтенант, – с улыбкой остановил его Винкельхок. – Машину у итальяшек выменяли?

– Так точно, герр обер-лейтенант! Автомобиль трофейный!

– Ну что ж, тогда едем...

Лейтенант услужливо помог Винкельхоку забросить пожитки в продырявленный пулеметными очередями дощатый кузов и распахнул дверцу кабины. Мрачного вида ефрейтор, сидевший за рулем грузовика, невнятно представился и повернул флажок зажигания.

Попетляв по песочно-глиняным кварталам Триполи, «шеви» выскочил на неровное шоссе и запылил вдоль железнодорожной насыпи.

– Полк базируется на итальянском аэродроме в полусотне километров от Зуары, – объяснил Гопке. – Они уже две недели не могут свернуть свои службы и ужасно мешают. К тому же британцы... мы пережили уже два налета – наше счастье, что их бомбардиры не отличаются особой точностью!

– Старик Медведь, вероятно, лично поднимался на перехват? – поинтересовался Винкельхок, устраивая свой локоть на рамке двери.

Лейтенант радостно закивал головой.

– Да-да, господин оберст-лейтенант³ взлетал во главе первой эскадрильи и сумел свалить два «Веллингтона»! Вы хорошо знакомы с господином оберст-лейтенантом Торном?

– Еще с Испании, – меланхолично ответил Винкельхок.

Гопке прикусил язык и одарил собеседника восторженным взглядом.

Мрачный водитель изо всех сил топтал педаль газа, выжимая из хрипящего грузовика последние соки. Тупорылый «Шевроле» то и дело обгонял хаотически движущиеся по дороге итальянские части и уворачивался от встречных машин. Служба в авиации, похоже, воспитала в нем настоящую любовь к полетам, пускай даже так, на минимальной высоте.

² «Штука» – основной пикирующий бомбардировщик гитлеровских ВВС, который назывался «Junkers Ju-87» «Stuka».

³ Оберст-лейтенант – воинское звание германских вооруженных сил, соответствующее подполковнику.

Винкельхок прикрыл глаза и погрузился в дрему. Он пришел в себя лишь тогда, когда рев двигателя стал совсем уж невыносимым – ефрейтор, раздраженно прикусив губу, объезжал далеко растянувшееся по дороге итальянское подразделение зенитной артиллерии. Летчик проводил взглядом запыленную линию тягачей с длинноствольными орудиями на крюках и собрался было вновь задремать, но «шеви» неожиданно свернул с шоссе, взлетел на холм и сбросил скорость. С возвышенности открывался вид на поспешно оборудованный полевой аэродром.

* * *

– Приветствую вас! – сказали в палатке гулко, словно в бочку.

Винкельхок отряхнул с белого кителя неизбежную пыль и поднял голову. Привыкать к полумраку ему не требовалось. В брезентовом кресле перед низким складным столиком восседал грузный медведеподобный мужчина с кустистыми седыми бровями и смеющимися, глубоко запрятанными бесцветными глазками.

Нижняя часть лица терялась в вислых лоснящихся губах, меж которыми сонно тлела могучая американская сигара.

Оберст-лейтенант Торн смерил вновь прибывшего ехидным оценивающим взглядом и переместил сигару в угол необъятного рта:

– Докладываться будем?

– Да я вот думаю – как... – вздохнул Винкельхок.

Командир полка хохотнул и недовольно покосился на затрясшуюся центральную стойку своей палатки. Хлипкость этого сооружения вызвала в нем недоверие к обеспечению военно-воздушных сил в целом.

– Присаживайся, – предложил он, вытаскивая из-под столика высокую бутылку с американским виски. – Проклятая жара. Без алкоголя здесь можно спятить.

Винкельхок поправил болтавшуюся на левом бедре кобуру с «вальтером» и опустился в подставленное брезентовое креслице. Медведь не менялся, кайзеровский Железный крест все так же демонстративно висел на кармане его пыльного кителя. Торн был асом Первой мировой, пьяницей и убежденным монархистом – если бы не дружба с всемогущим Удетом и с самим Толстым Германом, Медведя вообще спровадили бы из рядов Люфтваффе: он прилюдно отказался вступить в партию, прилюдно хохотал над трибунными истериками нацистских бонз и считал новую войну форменным идиотизмом. Он присягал своему кумиру Вильгельму, дрался над пылающей Европой в шестнадцатом году, не без труда пережил кошмар Версальского позора и честно заработал свое право на мудрую и ироничную улыбку. Потом была Испания. Легион «Кондор» и свел его с грустным парнем по имени Дирк Винкельхок. Уроженец Южной Африки, едва успевший закончить летную школу и невесть как угодивший в стреляющее небо за Пиренеями, сразу поразил опытного истребителя своей странной манерой пилотирования. Он выжимал из самолета куда больше, чем предусматривалось полетными инструкциями. Через некоторое время Торн с изумлением понял, что у бледнолицего парня совершенно нечеловеческое зрение – он видел гораздо шире, чем самый тренированный пилот. И легко читал карту в бледном свете ночных звезд.

Командир молча налил виски в пару узеньких серебряных рюмок и придвинул одну из них Дирку.

– Я говорил о тебе с Кессельрингом, – сообщил Торн. – Если бы не он, тебе пришлось бы по-прежнему болтаться над Ла-Маншем.

– ПВО метрополии – прекрасный опыт, – хмыкнул Винкельхок. – Здесь мне воевать не с кем. Мальчишки из новозеландских экипажей меня не устраивают.

Медведь недовольно заворчал и опрокинул свою рюмку в рот.

– Ты, получается, недоволен?

– Отчего же. Я доволен – в первую очередь тем, что мы снова вместе. К тому же в Александрии, кажется, стоят полки метрополии. Это может быть любопытно.

– У тебя восемнадцать сбитых, – произнес Торн в сторону.

– Двадцать девять, – спокойно ответил Винкельхок. – Восемнадцать подтверждены. Я не люблю летать со всей оравой – для защиты бомбардировщиков у нас хватает недоучек, создающих в воздухе форменную свалку и героически подставляющихся под огонь королевских истребителей. Я предпочитаю охотиться самостоятельно.

– И получать взыскания по поводу низкой летной дисциплины.

Винкельхок скептически ослабил и протянул руку к невыпитой рюмке.

– Зато я не угробил ни одной машины. Кстати, тебе придется предупредить моих механиков – я летаю без парашюта и спасжилета. Это дерьмо мешает мне двигаться в кокпите.

– Я не стану тебя заставлять. И писать взыскания тоже не стану. Мне требуется другое – защита от возможных налетов. Я думаю, они вот-вот начнут бомбить всю Триполитанию.

– Что, итальянцы так плохи?

– Хуже, чем ты можешь себе представить. Слушай, Синий, – Тори прищурился и заглянул в серые глаза обер-лейтенанта, – ты ведь можешь увидеть волны проклятых англичан... увидеть, услышать, черт тебя побери, я не знаю, как ты это делаешь, – и не хочу знать! Но ты должен, понимаешь. Синий, ты должен!.. Иначе они нас накروют.

– О господи, Медведь, ты что же, стал бояться?

Торн отвел глаза.

– Ты будешь летать ведомым у командира второй эскадрильи. Он у нас уникал, закончил то ли Гейдельберг, то ли Гессен по кафедре философии. Этаким буддист, понимаешь ли... но летает прекрасно, я уверен, что вы с ним сработаетесь. У вас будет своя боевая задача, я не стану гонять вас по мелочам.

– А тебе это простят?

– Мне – простят. Тут не все так уж просто, как ты думал. Чертовы макаронники совершенно не хотят воевать, они сдаются в плен пачками, а нас слишком мало, чтобы решить все стоящие перед нами проблемы. Англичане шныряют над заливами, как у себя дома...

– Я уже видел.

Торн понимающе усмехнулся и поднялся из кресла. Подойдя к стоявшему в углу палатки ящику из-под радиостанции, он поднял трубку находившегося на нем полевого телефона и нервным движением крутнул ручку.

– Гауптмана Больта – ко мне. Я и в самом деле стал побаиваться, – повернулся он к Винкельхоку, – проклятая арифметика сделала меня отчаянным фаталистом, вроде как в восемнадцатом году. Правда, тогда я был моложе и счет не в нашу пользу представлялся мне не таким ужасным.

Дирк вспомнил разговор, происшедший между ними четвертого сентября тридцать девятого, в небольшом польском местечке, куда Торн прибыл в составе инспекции министерства авиации, – дело было на следующий день после вступления Англии в войну, и старый Медведь был мрачнее тучи. «Франция, в сущности вздор, – говорил он, – но вот проклятые англичане! Их слишком много, гром и молния, и я это уже видел!» Оглядев полк, в котором служил Винкельхок, Медведь напился. Возглавлявшие инспекцию чиновники смотрели на него неодобрительно, эйфория польской кампании воспринималась в Берлине как нечто само собой разумеющееся, и пораженчество опытного аса было им непонятно. Торн хорошо знал арифметику. Восемнадцатый год был прекрасной школой, и все прошедшие через нее навсегда запомнили кошмар собственной беспомощности, накрывший их тогда липкой кровавой волной, – повторение казалось слишком страшным.

Винкельхок тоже не сверкал энтузиазмом, хотя, впрочем, и не ударялся в особую депрессию. Как и Торн, Дирк весьма реально представлял себе ситуацию, но ему на нее было плевать. У него были причины. К мыслям о собственной смерти Синий Дирк относился с полнейшим равнодушием, удивлявшим Медведя еще в тридцать шестом, когда они только познакомились.

– Гауптман Больт, герр оберст-лейтенант!

Винкельхок повернулся, но оторвать зад от кресла и не подумал. В палатке стоял высокий тощий мужчина лет тридцати, весь наряд которого составляли форменные шорты и какие-то немыслимые коричневые сандалии явно невоенного образца. На узкой яйцеобразной голове покоилась смятая по английской моде песочная фуражка с летними очками над козырьком. Дирк улыбнулся – голубые глаза гауптмана Больта показались ему добрыми и то же время немного растерянными, словно у близорукого.

– Присаживайтесь, дружище. – Торн чуть приподнялся и вытащил правой ногой спрятанный под столом брезентовый стул. – Виски хотите?

– А... гм, – сказал Больт. – В общем-то, можно...

– Вы пока познакомьтесь, – утробно бухнул Торн, – это – обер-лейтенант Дирк Винкельхок, он только что прибыл из северной Франции. С сегодняшнего дня он ваш ведомый.

Дирк поднялся.

– Весьма рад, – очень цивильно улыбнулся Больт, протягивая длинную жесткую ладонь, – надеюсь, мы с вами поладим. Я вижу, вам случилось воевать в Испании?

Винкельхок покосился на украшавшую рукав синюю ленту и коротко кивнул. Больт ему нравился.

– Вот именно, что случилось, герр гауптман. Это не лучший эпизод в моей биографии. Я делал там слишком много ошибок.

Больт понимающе кивнул и уселся на придвинутый Торном стульчик. Следом за ним опустился и Винкельхок. Подполковник с неожиданным проворством нагнулся и, незаметно морщась, извлек из-под стола третью рюмку. Разлив остатки виски, Торн кривовато усмехнулся и щелкнул пальцами:

– Прозит, господа... Вы у меня вроде последней надежды на спасение грешной души. Проклятая жара!

Больт причмокнул. Его пальцы стиснули рюмку с трепетом испытанного пьяницы – широко раскрыв пасть, гауптман влил в себя ароматный напиток, шумно сглотнул и выдохнул в сторону. Голубые глаза довольно блеснули.

Дирк протянул ему раскрытый портсигар.

– Прошу, герр гауптман.

– Гюнтер, с вашего позволения, – представился Больт, задумчиво шевеля носом. – Если я правильно понял ситуацию, вы займете вакантную должность моего заместителя?

– А Медведь меня выше и не пустит, – усмехнулся Винкельхок.

– Вам придется тянуть свободное патрулирование, – сообщил Торн, – кроме вас, этим заниматься некому. Ведомым у Больта был фельдфебель Мюкке, но его свалил стрелок египетского «Галифакса» – бедняга упал в залив, и больше мы его не видели.

– Увы, – гауптман развел руками, – я не успел заметить, что негодяй слишком быстро разворачивает башню.

– Вы атаковали парой? – быстро спросил Винкельхок. – Порочная практика.

– Вот как?..

– Синий Дирк привык иметь свое мнение по любому вопросу, – поспешил перебить Торн, поворачиваясь к Больту. – Самое странное то, что в большинстве случаев он оказывается прав. Я до сих пор не могу выяснить, где его научили этакому... хм, оригинальному мышлению.

– Если я правильно понял, Мюкке был сбит стрелком соседнего бомбардировщика, – мрачно усмехнулся Винкельхок. – Я тысячу раз видел это над Францией. Почему, атакуя, мы не

желаем принимать в расчет угол обстрела башен самолета, идущего где-то рядом? Неужели это настолько сложно? Что за героизм – подставиться под прицельный огонь какого-то британского парня?

– Вы ясновидящий, Дирк? – поразился Болт. – Или вы хотите сказать, что там, в горячке боя, вы способны мгновенно просчитать все секторы возможной опасности?

Винкельхок предпочел промолчать. Объяснять собеседнику, что воздушный бой должен быть не горячкой, а скорее головоломкой, ему отчего-то не хотелось. Сможет – поймет сам, не сможет – значит, такова его доля... Сражаясь с первого дня войны, он научился четко различать летунов, пусть даже летунов прекрасных, и настоящих воинов воздуха, расчетливых и хладнокровных. Летунов, к сожалению, было подавляющее большинство. Ни в Польше, ни во Франции, ни даже в Англии настоящих асов он так и не встретил: все сбитые им пилоты были суматошными и излишне эмоциональными летунами. В рядах Люфтваффе асы иногда встречались, но их было слишком мало, чтобы всерьез говорить о настоящей боевой работе. Болт, по всей видимости, летал так же, на своих эмоциях. Дирк считал, что эмоции следует беречь для более приемлемых ситуаций. Он не стал спорить – эти дискуссии осточертели ему довольно давно и возвращаться к ним не имело никакого смысла.

– Синий способен преподнести вам некоторые сюрпризы, дружище, – буркнул в сторону Болта Торн, – скоро вы убедитесь в том, что он ничего не говорит просто так.

– Я побаиваюсь сюрпризов в воздухе, – кисло улыбнулся Болт.

– Этих тебе бояться не стоит!.. Идите, господа. Гауптман, покажите коллеге его машину и познакомьте с механиками. Завтра вы вылетаете в вывозной – прямо с утра.

Выходя вслед за Болтом из палатки, Дирк успел заметить, что из укрытого под столом ящика появилась новая бутылка.

Глава 2

Он лежал на спине, глядя в бездонно-черное африканское небо, и радовался его бескрайнему, бисером сверкавшему узору, так не похожему на ставшую уже привычной скупую на звезды ночь северных широт. Он успел позабыть это ощущение сверкающей пропасти, властно зовущей к себе, поющей мириадами негромких голосов, – казалось, что здесь нет вечной пелены плотной атмосферы и звезды смотрят тебе прямо в лицо.

Ему казалось, что память, бессмертная и неотвратимая, вновь швыряет его туда, в эту бесконечную черную пропасть, заставляя опять, в сотый уже раз, пережить ощущения далекой и давно забытой им войны. Войны, которая разорвала его сердце.

Коротко вздохнув, Дирк сел, поправил наброшенную на плечи шинель и потянулся в карман кителя за портсигаром. Небо на востоке начало наливаться светом.

В десятке метров от него песок зашуршал под чьими-то мягкими шагами. Скосив глаза, Дирк увидел Болта, мокрого после недавнего умывания.

– Далеко вы забрались, дружище, – приветствовал его гауптман. – Любуетесь звездами? Я, признаться, первые ночи тоже выползал из палатки заглянуть в эту пропасть...

Винкельхок неторопливо раскурил сигарету.

– Когда мы вылетаем?

– Уже сейчас. Я, собственно, за вами. Если мы успеем добраться до залива раньше, чем окончательно рассветет, то можем успеть поймать парочку ночных британских мышей.

Дирк сосредоточился.

– Да, может быть, – согласился он после короткого размышления. – Идемте.

Из-за рядов офицерских палаток раздался рев запускаемого мотора. Прогазовав, техник заглушил движок – следом за ним сипло взревел еще один. Ярko вспыхнули поднятые на ажурных мачтах прожекторы.

Спустя десять минут Винкельхок уже садился в тесный кокпит новенького, пахнущего своеобразным заводским запахом «Мессершмитта». Пара техников с изумлением проводила его долгими взглядами – он даже не посмотрел на приготовленные для него парашют и желтый, сосисочного типа капковый спасательный жилет, – молча запрыгнул на крыло и нырнул под откинутый вбок прозрачный фонарь кабины.

Застегнув на шее ларингофон, Дирк захлопнул фонарь и поерзал, устраиваясь на жестком и неудобном сиденье. Впереди плавно тронулся с места самолет Больта; техник махнул рукой, Дирк отпустил тормоза и дал газ. В бледном свете посадочной фары понеслась неровная пыльная полоса. Болт академично оторвался от земли, чуть качнул крылом и полез в светлеющее небо.

Винкельхок улыбнулся, сам не зная чему, и потянул ручку. Его узкий, как клинок, «Бф-109»⁴ послушно поднялся в воздух. Насвистывая, Дирк завернул кран подъема шасси и щелкнул тумблером:

– Проверка связи... как слышите, коллега?

В наушниках загудел голос Больта:

– Слышу хорошо. Проверьте оружие и двигайтесь за мной.

«Над морем облачно, – вдруг подумал Дирк. – Да, это почти наверняка. Если мы хотим поймать англичанина-„ночника“, забираться высоко не следует. Впрочем, пускай командует дружище Гюнтер. Моя задача – не дать парню подставить свою гениальную университетскую башку под пару пулеметов этого королевского красавчика».

Командир эскадрильи уверенно вел его на северо-восток, продолжая набор высоты. Вывернув голову, Винкельхок посмотрел вниз и увидел впереди редкие огоньки готовящегося проснуться Триполи. Небо продолжало светлеть.

«Мессер» Больта лег на правое крыло. Винкельхок не сразу повторил маневр ведущего. Он поднялся чуть выше и лишь после этого выжал педаль, поворачивая свою машину. Теперь гауптман шел ниже его – в случае появления британского истребителя Винкельхок успел бы среагировать раньше, приняв атаку из более выгодного ему угла.

– Под нами залив, – сказал Болт.

Дирк не ответил. В затылке слабо пульсировал знакомый ритм. Он сосредоточился на нем, определяя направление. Верно: самолет шел над морем левее него, уходя скорее всего на базу.

– Двухмоторный противник на одиннадцати часах, – сообщил Дирк. – Мы успеем догнать, он только что покинул залив.

– Где ты его увидел? – всполошился Болт, всматриваясь в серое рассветное небо.

– На одиннадцати часах, – повторил Винкельхок, – он выше нас примерно на пятьсот метров.

Болт недоверчиво хмыкнул, но тем не менее решился – дал газ и пошел вверх, забирая чуть-чуть влево. Винкельхок повторил его маневр, по-прежнему держась на двадцать метров выше ведущего.

Через пару минут он увидел англичанина глазами. Длиннокрылая, сплюснутая с боков туша двухмоторного «Веллингтона» радарной разведки безмятежно плыла в почти светлом уже небе. Ночной камуфляж – снизу самолет был окрашен в матовый серо-коричневый тон – был уже бесполезен, профиль отчетливо различался на фоне восходящего солнца.

– Дьявольщина! – выкрикнул возбужденный Болт. – Действительно, вот он! «Летучая мышь» с Мальты!

– Начни с левого двигателя, – посоветовал Винкельхок, принимая ручку на себя.

⁴ «Бф-109» – принятое в советской литературе название «Me-109» в принципе неверно. Основной истребитель Люфтваффе назывался «Messerschmitt Bf-109».

Мотор его самолета взвыл рассерженным шмелем, выдергивая легкую металлическую птицу вверх. Высоченный киль англичанина мелькнул в прицельном визире – Дирк успел рассмотреть сидящего в хвостовой башне стрелка, который судорожно пытался развернуть вслед за ним тяжеленную крупнокалиберную спарку. Он отдал газ, позволяя Больту войти в мертвую для стрелков «Веллингтона» зону и не попасть под его собственный огонь, но гауптман то ли не понял его предупреждения, то ли слишком возбудился, его машина проскочила сектор атаки, бесцельно полосуюя небо трассами пулеметных очередей, и зависла перед самым хвостом бомбардировщика, подставляясь под выстрелы спрятанной под килем башни.

Коротко чертыхнувшись, Винкельхок промчался над узким телом англичанина, свалился на левое крыло, выровнялся и боевым разворотом пошел вдогон уходящему самолету. Справа мелькнул разворачивающийся Болт.

– Не лезь под стрелка! – крикнул ему Дирк. – Стреляй по движкам!

Он достал хвостового стрелка в ту пару секунд, когда удлинённый зад «Веллингтона» занял собой все лобовое стекло его машины. Этих секунд было достаточно – спрятанная в носу пушка и пара пулеметов сделали свое дело, вгрызлись в хлипкий металл британского разведчика, напрочь снося угловатую полупрозрачную башенку вместе со стрелком.

– Попал! – торжествуя, заорал Болт.

«Деточка скушала вкусную конфетку, – злорадствуя, подумал Дирк. – Я хотел бы посмотреть, как бы ты сделал это сам».

Стремительно поднявшись, он развернулся и полюбовался на работу гауптмана. Его очереди поразили левый двигатель и разнесли кабину пилотов – свалившись на крыло, изувеченный «Веллингтон» падал в море. Из люка уцелевшей штурманской кабины вывалился черный комок, вспух белым цветком парашюта. Следом за ним погибшую машину покинул еще один член экипажа. Винкельхок проводил их взглядом – вода теплая, не пропадут – и ощутил дьявольское желание дать Больту по шее. Стрелять он, пожалуй, умел: по крайней мере, не хуже остальных. А вот думать головой... да-а, тут были проблемы. Вероятно, годы, проведенные в одном из старейших университетов Германии, напрочь отучили парня быстро соображать.

«Если это у Медведя лучший пилот, – подумал Дирк, – то мне, кажется, здорово повезло. Попал, называется. Впрочем, понятно – все толковые парни торчат в полках и ягдгруппах⁵ ПВО Германии, отражая бесконечные налеты англичан, а сюда, в Африканский корпус, сгоняют, как правило, летчиков так себе. Ставят над ними толкового, но опального, вроде того же Медведя, командира и бросают против таких же олухов из колониальных подразделений РАФ»⁶.

– Будем возвращаться, – решил Болт. – Нам и так нечасто удается поймать «летучую мышь», обычно они уходят на Мальту еще до рассвета, а летать по ночам Торн не разрешает – ни у кого нет ночной подготовки. Все «ночники» остались дома...

«Мне безразлично, когда летать, – усмехнулся про себя Винкельхок. – Что днем, что ночью. И безразлично на чем – на истребителе, на бомбере... какая разница? Пыхтящий гроб, еле-еле разгоняющийся до шестисот с чем-то в час, да еще и грозящий развалиться в воздухе от малейшей перегрузки. Даже странно, что ни одна из этих тарактелок до сих пор не рассыпалась от моих маневров».

Полк уже не спал. Наземные экипажи спешно готовили машины к боевому вылету – приземлившись, Дирк нашел Торна возле его самолета. Медведь пыхтел, страшно ругался и при помощи двоих ефрейторов в замасленных робах пытался влезть в сложную сбрую парашютных ремней. Благодаря надетому сосисочному жилету он казался невероятно толстым: становилось страшно за целостность тесной и хлипкой кабины «Мессершмитта». Медведь вполне мог разломать ее своим героическим брюхом.

⁵ Ягдгруппа – истребительное подразделение ВВС Германии.

⁶ РАФ – Royal Air Force – королевские военно-воздушные силы Великобритании.

– А, – сказал он, прекратив поливать парашют и ефрейторов матом, – это вы... как успехи?

– Дружище Гюнтер уделал «Веллингтон», – невозмутимо сообщил Дирк. – Вот и он, кстати.

– Какого дьявола ты летаешь без парашюта? – зашипел Болът, подходя к крылу командирского истребителя. – Я там, в темноте, и не заметил... а тут, смотрю – выскакивает из кокпита чуть ли не голый!.. Спятил?

– Он всегда так, – проворчал Торн, – у него личное дело от взысканий пухнет – того и гляди разорвется к черту. А вы, герр гауптман, – докладывать не желаете?

– Герр оберст-лейтенант! – поспешно затараторил Болът, вытягиваясь в струнку. – В процессе ознакомительного полета нами был обнаружен и сбит английский разведывательный самолет марки «Веллингтон»...

– Не «нами», а «мной», – негромко перебил Винкельхок, глядя в сторону.

Болът осекся и посмотрел на него с искренним удивлением. Дирк махнул рукой и выразительно поморщился.

Торр закончил наконец сражение с парашютом, оправил на себе бесчисленные лямки и дернул ладонью:

– Потом разберемся. Вы пока отдыхайте. Сегодня работы немного, обойдемся без вас. Полк, взлет! – крикнул он, обращаясь к стоявшему поодаль адъютанту.

Ефрейторы деловито забросили тушу командира в кабину. Торн захлопнул фонарь, стоявший поодаль фельдфебель-выпускающий взмахнул флажком, и командирская машина, поднимая пропеллером тучи пыли, двинулась вперед.

– А ты оригинал, – проорал Болът через рев моторов, – шутки у тебя... ну, идем в столовую – надеюсь, нам оставили пожарть.

– Ночью макаронные ребята выводят из гавани свои подлодки, – объяснял он, расположившись в просторном бараке офицерской столовой, оставшейся от итальянцев, – ну а за ней, естественно, остается светящийся след. Эти мерзавцы подкрадываются в снижении – и пожалуйста: пара бомб, и лодке приходится возвращаться на ремонт. Утопить ее удастся редко, потому что трусливые британцы не решаются на второй заход, сразу же уматывают, но зацепить иногда получается. И плюс, конечно же, разведка. Ночью они тут все рассмотрят, а потом, бывает, налетит толпа «Свордфишей» с какого-нибудь авианосца – причем именно тогда, когда все итальянцы разлетелись по своим делам, и стоящие в порту корабли защитить некому.

Дирк молча жевал тушеную капусту со свининой и жалел об отсутствии пива. Во Франции, кажется, кормили лучше, к тому же иногда удавалось смыться в близлежащий городок и слегка оторваться в винном погребке у папаши Людо, который хоть и не любил немцев, но вина наливал исправно. Здесь о винах и развлечениях следовало забыть: даже если Медведь и отпустит в Триполи, делать там все равно нечего.

Впереди ждала бесконечная скука, сражения с британскими олухами, еще более бестолковыми, чем их собратья над Островом, и песок. Все кругом ходили в летных очках, и Винкельхок быстро понял, почему: нередкие порывы горячего пустынного ветра поднимали целые облака пыли, моментально забивавшей глаза. Желтая пыль была сутью бытия.

Она делала людей усталыми и раздражительными, и они мечтали поскорее вернуться в Европу, прочь от изнуряющей желтой жары; она проникала во все механизмы, и техники едва успевали менять воздушные фильтры карбюраторов и раз за разом перенабивать шприцами пресс-масленки; она была везде и всюду.

Дирк неожиданно отложил вилку и на секунду стиснул зубы. Призрак его страха, многие годы шедший за ним по пятам, вдруг преобразился, став холодной (проклятье, почему холодной в такую жару?!), неуловимо движущейся фигурой, облаченной в желтый саван из африканского песка.

Он зажмурился. Бегство, продолжавшееся долгих одиннадцать лет, это отчаянное, преисполненное лжи бегство от самого себя научило его находить ответы на все вопросы. Его ждал новый страх, новый старый страх, спасения от которого не было.

– Что с тобой? Дирк, тебе плохо? – Болът, перегнувшись через столешницу, встревоженно тормошил его за плечо. – Может, позвать врача? Что ты молчишь?

– Я не успел привыкнуть к жаре, – разомкнул запекшиеся губы Винкельхок, – это пройдет. Я слишком долго жил в Европе и отвык от таких температур.

– Слишком долго? – не понял Болът, успокоившись. – Что ты хочешь этим сказать?

– Я родился в Анголе. Мой отец был врачом в небольшом городке.

– А... то-то мне показалось, что твоя фамилия звучит несколько по-голландски. Так ты, значит, из бурской семьи?

– Да, Гюнтер. У нас там все перемешались, и уже невозможно понять, кто немец, а кто голландец. Впрочем, мы привыкли считать свою кровь немецкой.

– Интересно, – дружелюбно блеснул глазами Болът, – я когда-то мечтал побывать в ваших краях. Может быть, после войны...

– А я стремился в Европу. В Германию я попал в тридцатом.

– Планерная школа? – почти утвердительно поинтересовался гауптман.

– Нет, я научился летать в Йоханнесбурге. Правда, этому никто не хотел верить и мне пришлось пройти курс обучения полетам в школе под Франкфуртом. Потом – Люфтваффе, с первого дня их появления на свет. В тридцать седьмом – Испания, «Легион Кондор»... Там я и подружился с Торном.

– Я так и понял. Я хочу сказать, понял, что ты знаешь его с Испании. Командир не особенно приветлив, и уж тем более трудно представить, чтобы он так фамильярничал с кем-то из своих офицеров.

– Медведь замечательный человек, – возразил Винкельхок, – да, он бывает грубоват, но зато никогда не дает своих в обиду. Что еще можно требовать от командира? Он же не нянька, чтобы вытирать нам задницы.

Болът вдруг стал задумчив.

– Вероятно, – согласился он, откладывая вилку. – Знаешь, я, человек сугубо штатский, не всегда могу правильно оценивать ситуации, возникающие во взаимоотношениях с начальством. Вся эта война... меня оторвали от милых моему сердцу старинных трактатов, швырнули в воздух и сказали: лети, парень! Вроде как ребенка, которого учит плавать жестокосердый папаша. Надеюсь, – он смущенно поднял на Дирка ставшие беспомощными глаза, – я не показался тебе излишне сентиментальным?

Винкельхок хлопнул гауптмана по плечу и откинулся на спинку парусинового стульчика. В эти секунды ведущий стал для него на порядок симпатичнее.

– Вздор, старина. Я смотрю на все эти вещи несколько иначе, чем ты, возможно, думаешь. Я прекрасно понимаю, что многих из нас воинами сделала только судьба – но отнюдь не тот Дух Великой Германской Нации, о котором так любят трещать в Берлине. Все в этой жизни надо разделять... прости, я забыл, что ты философ, – мой дилетантизм, конечно, смешон, и ты понимаешь все куда лучше меня.

– Я занимался не столько философией, сколько историей – точнее, романской историей периода раннего средневековья. – Болът взял в руку вилку, но есть не стал. – Скорее даже историей католичества. Хотя сам не католик.

– Если ты хочешь выпить, – негромко произнес Дирк, – то я могу предложить тебе пару глотков прекрасного коньяка. Из Франции я привез небольшой запасец. Э?

Болът тихо рассмеялся.

– Ты очень точно читаешь мои мысли. Вечером, если не возражаешь. Полк вот-вот вернется, и Торн может отправить нас вместе со всеми во второй вылет.

– Никуда он нас не отправит, – махнул рукой Винкельхок. – Можешь мне поверить. Обязанности твоего заместителя исполняет, кажется, лейтенант фон Хаберле? Вот он и будет водить вторую эскадрилью. Я буду твоим заместителем чисто номинально. Медведь хочет, чтобы мы летали в свободную охоту. Он побаивается неожиданных налетов и ждет, чтобы мы стали его щитом в воздухе над заливами.

– Англичане могут прилететь и с востока, – покачал головой Болът. – До линии фронта отсюда – рукой подать. К тому же бомбить они предпочитают по ночам.

– Следовательно, заливы для него важнее. – Дирк пожал плечами и вернулся к остывшей капусте. – Что толку забивать себе башку дурацкими предположениями? Если Медведь считает, что нас будут атаковать с Мальты, значит, он имеет какие-то свои соображения. К тому же, если мне не изменяет память, полк должен служить непосредственным прикрытием для Триполи? Вот и ответ на твои вопросы.

Выпив по чашке холодного и довольно противного кофе, летчики вышли из столовой. Винкельхок потянулся в карман комбинезона за портсигаром – Болът поволок его на завтрак с такой скоростью, что он не успел стащить с себя полотняный полетный комбез, – и вдруг замер, словно приняв себя к горячему воздуху.

– Полк возвращается, – сказал он. – С востока, и идут они неровно.

– Что-то рановато, – засомневался Болът. – Неужели они покрутились там так хорошо, что выжгли все горячее?

Дирк молча покачал головой. Они закурили; Болът раскрыл было рот, чтобы что-то спросить у своего напарника, но умолк, не начав говорить: в дрожащем мареве возникло далекое осиное гудение. Песчано-желтые фигурки самолетов приближались, вырастая на глазах. Винкельхок чуть прищурился – головным, ниже всех остальных, шел «мессер» командира полка, украшенный изображением бубнового туза на куцем киле. За ним тянулся слабый, еле заметный след вытекающей охлаждающей жидкости.

– Медведь идет с хорошим перегревом, – констатировал он, – и, естественно, движок у него не тянет.

– Хорошо хоть летел до дому, – озабоченно ответил Болът.

– Скорее всего ему вlepили на выходе...

Истребитель Торна мягко опустил на взлетно-посадочную полосу и, хрипло взрыкивая перегретым двигателем, попытался подрулить к ремонтным ангарам, но сил у него уже не хватило – мотор осекся, пару раз чихнул и заклинил. Стремительно подбежавшие к нему техники, подхватив хвост и упершись в крылья, поспешили оттолкнуть вставшую посреди поля машину в сторону. Откуда-то из-за штабных палаток пробежали взмыленные санитары с носилками и двое врачей.

– Новицки, – твердо сказал Болът, – смотри.

Следом за командиром на посадку пошел самолет с бортовым номером 9, изуродованный пулеметными очередями настолько, что становилось страшно: непонятно было, как он вообще смог долететь до базы. Левая стойка его шасси вышла с запозданием, почти у самой земли – неровно, покачивая крыльями, изувеченная машина плюхнулась в пыль полосы и помчалась, почти не сбавляя скорости, через все летное поле.

– Ч-черт! – почти выкрикнул Болът. – Тормоза!

Раненый летчик, казалось, услышал его, но тормоз, видимо, «хватал» только справа – «Мессершмитт» вдруг подпрыгнул, круто повернулся и рухнул на крыло, подмяв сломавшуюся стойку. К нему тотчас подбежали санитары, кто-то вскарабкался на крыло, распахнул треснувший фонарь кабины.

– Пошли к Медведю, – сказал Дирк. – Наверное, его есть с чем поздравить...

Тори выглядел настолько усталым, что у него даже не оставалось сил на обычную ругань. Его песочно-желтый комбинезон можно было выжимать.

– Там был ад, – сказал он, не обращая никакого внимания на стягивающих с него парашют техников, – даже непонятно, откуда их столько налетело. У нас трое сбитых. Из них, господа, двое явные покойники, а за Шпенглером надо будет съездить к итальяшкам, он приземлился в их расположении, не дотянул. Машина, естественно – в хлам...

– Готовиться к вылету? – спросил Винкельхок.

Торн каркаяще рассмеялся.

– Уже нет. Лучше возьмите мой «Хорьх» и мотните к макаронникам – я сейчас свяжусь с их штабом, а вы пока погуляйте где-нибудь здесь.

На ходу сдирая с себя спасательный жилет, подполковник направился в сторону штаба.

Через несколько минут Болт и Винкельхок оказались в компании потных, возбужденно орущих и жестикулирующих летчиков. Большинство из них летали не в предписанных инструкцией комбинезонах, а просто в шортах и сорочках, напяливая наушники поверх легких пилоток. Жара уже успела сделать свое дело – здесь, в Африке, мало кто обращал внимания на инструкции и наставления.

– С ума сойти, не меньше полка «Бленхеймов», целая орава «Харрикейнов». Где же они базируются?

– Господа, вы обратили внимание, что «Бленхеймы» шли с предельной нагрузкой?

– Да, похоже, они построили новый аэродром, где-то совсем рядом...

– Гром и молния! Вам не кажется, что это не австралийцы? Уж больно они смахивают на экипажи метрополии...

Переговариваясь и размахивая руками, все еще разгоряченные боем пилоты ушли переодеваться и приводить себя в порядок. Винкельхок задумчиво покачал головой:

– Да уж... не все здесь так просто, как я думал вначале. Что, пойдём в штаб?

– Угу. Скорее всего придется ехать за беднягой Шпенглером. Лучше бы, конечно, слетать, но на чем? У нас есть «Шторх», но лететь на этой стрекозе я лично не решусь. Случись нарваться на любого залетного британца – и можно смело заказывать пару-тройку уютных гробов. А Шпенглеру везет – представляешь, парня сбивают второй раз за месяц, и оба раза он выпрыгивает над итальяшками. Определенно, он их за что-то полюбил.

– Возможно, ему нравятся спагетти...

– Гм, здравая мысль! Надо будет поинтересоваться у него самого.

* * *

В карте Болт разобрался без проблем – Торну достаточно было лишь ткнуть пальцем в точку на штабной десятикилометровке. Гауптман, похоже, хорошо ориентировался в паутине местных дорог, которые не всегда являлись таковыми. Погрузив в просторную коробку «Хорьха» троих солдат, Болт захватил припрятанный у себя в палатке ручной «МГ» с зенитным визиром и забрался на заднее сиденье вездехода.

Всю дорогу до итальянцев – верных сто километров – он молчал, открывая рот лишь для того, чтобы скомандовать водителю, в какой поворот входить. Дирк не желал его тревожить. Покачиваясь на широком диване открытой туполобой машины, он задумчиво курил и посматривал по сторонам. Следуя примеру остальных, он надел летные очки и не прогадал – пыль, летевшая, казалось, со всех сторон, была ему теперь не страшна.

Через два с половиной часа «Хорьх» остановился перед шлагбаумом контрольно-пускового пункта на окраине какого-то глиняного поселения. Заспанный солдат с пером на форменной шляпе, высунувшийся из покосившейся будки, выслушал короткую нервную тираду Болта, из которой Дирк не понял ни единого слова, и неторопливо потянул веревку шлагбаума. Транспортёр двинулся вперед.

– Дирк, ты посиди пока здесь, – сказал Болът, – моих знаний итальянского вполне хватит, чтобы объясниться с этими петушиными воинами. Налево, Йохан, – приказал он водителю, – в этой лавочке штаб полка слева при въезде...

Сидевший за рулем солдат остановил машину перед желтым двухэтажным строением, у входа в которое дремали, развалившись на обшарпанных глиняных ступенях, двое караульных в сдвинутых на глаза касках. На приближение автомобиля они не отреагировали никак. Болът спрыгнул на землю, раздраженно отряхнулся и приблизился к спящим. Короткая певучая реплика заставила их раскрыть глаза, однако же подняться доблестные союзники и не подумали. Один из них, очевидно старший, с чисто южной ленью взмахнул рукой, указывая на второй этаж здания, и широко зевнул, показав два ряда крупных желтых зубов: их цвет навевал мысли о всепроникающем действии тропического камуфляжа. Дирк усмехнулся и потянулся в карман сорочки за новой сигаретой.

Гауптман отсутствовал около десяти минут. На втором этаже неожиданно хлопнуло, раздалась скорострельная итальянская речь, чей-то грубый хохот, и спустя некоторое время на пороге штаба вырос покачивающийся силуэт офицера в круглых темных очках; в руке он держал початую бутылку шампанского. Следом за ним двигался Болът, придерживающий щуплого парня в летном комбинезоне с нашивками обер-фельдфебеля на рукаве. Правая нога пилота была натуго стянута фиксирующей повязкой, но Болът держал его вовсе не из-за травмы: обер-фельдфебель был героически пьян.

Скорбно вздыхая, гауптман устроил его на заднем диване автомобиля и повернулся к итальянцу, вновь разразившемуся длинной тирадой. Болът что-то ответил, изъял у союзника бутылку, хлопнул его по плечу и поспешно запрыгнул в машину.

– Поехали отсюда, Йохан! – сказал он водителю. – Иначе мы застрянем в этой богадельне до утра. Майор Кавалькатти пьян со вчерашнего вечера, он сам мне похвастался...

– Ты его знаешь? – удивился Винкельхок.

Болът махнул рукой и повернулся к насупленному фельдфебелю:

– Шпенглер! Я понял, почему ты норовишь каждый раз выпрыгнуть именно над этим славным оазисом!.. Признайся честно, ведь ты мог дотянуть хотя бы до Триполи? Но радушие Кавалькатти и его гостеприимных коллег оставило в твоём сердце неизгладимый след, а?..

– Никак нет, герр гауптман! – что было мочи заорал пилот. – У меня был пробит масло-радиатор, и я еле дотянул до этой территории. Клянусь вам, вы можете сами проверить!..

– Он даже не способен осознать весь идиотизм своих слов, – горько покачал головой Болът, разворачиваясь к Винкельхоку. – Охо-хо... это все от жары. Хочешь вина?

– Хочу, – в тон ему ответил Дирк, протягивая руку за бутылкой, и оба они заржали, вызвав недоуменные взгляды сидевших спереди солдат.

– Ты не представляешь, – сказал Болът, отсмеявшись, – сколько времени я потратил на поиски этой части в первый раз. Сегодня, когда Торн показал мне, куда ехать, я с трудом сдержался, чтобы не захохотать прямо у него в палатке. Это какой-то резервный пехотный полк, здесь не осталось ни одного кадрового офицера – сплошные судейские стряпчие да архитекторы пополам с лавочниками. Пьют они – это надо видеть!.. Иногда мне даже становится жаль, что наступавшие англичане так и не добрались до этих парней.

– Позволь, а как же этот славный Кавалькатти? Он что же, получил майорский чин в запасе?

– А, Кавалькатти – это отдельная история. Он наслушался речей любимого дуче и пошел в армию добровольно, еще в тридцать восьмом. Пехотные части всегда испытывают нехватку таких дегенератов, и он сделал замечательную карьеру: в прошлой жизни он, кажется, торговал готовой пищей...

Дирк вытер губы и передал бутылку своему ведущему.

– Вино, в общем-то, ничего, хотя, конечно, Франция меня в этом отношении избаловала.

– Завидую, – понимающе кивнул Болът. – Наверное, для тебя это назначение – небольшая трагедия?

– Как тебе сказать. Если Медведь считает, что я нужнее здесь, чем там, – пусть так и будет. Я не могу назвать себя человеком, страдающим из-за чрезмерных служебных неудобств. Тем более на войне.

– Счастливчик. Я иногда завидую вам, настоящей военной косточке: для вас все просто – приказ получен и, следовательно, должен быть выполнен. А я вот страдаю излишней мнительностью. И слишком часто вздыхаю.

– А кто тебе сказал, что это плохо?

Болът поперхнулся воздухом и несколько секунд смотрел на Дирка с искренним недоумением. Винкельхок ободряюще улыбнулся и хлопнул гауптмана по плечу:

– Если все люди вдруг станут одинаковыми – неважно, одинаково хорошими или одинаково плохими, – представь себе, в какую скуку превратится весь этот мир?..

Болът задумчиво хмыкнул и поджал губы. Дирк понял – гауптман не желает начинать в присутствии солдат долгую дискуссию. Язык у него, конечно же, чесался, но болтать на философские темы ему сейчас не хотелось.

Винкельхок поглядел на уснувшего Шпенглера и решил последовать его примеру. Тряска ему не мешала.

...«Хорьх» вернулся в полк незадолго до заката. Болът сдал слегка протрезвевшего фельдфебеля в санчасть и лично отправился на доклад к командиру. Дирк тем временем неторопливо умылся у колонки, несколькими раздраженными хлопками отряхнул с себя бесконечную пыль и двинулся в свою палатку. До ужина оставалось меньше часа.

Он успел лишь сменить насквозь пропыленную рубашку на чистую и растянуться в койке, как брезентовый полог отогнулся и в палатку неслышно проник Болът.

– Ужинать не пойдем, – сообщил он, подмигивая, – мой денщик принесет харчи прямо ко мне. Ты не забыл о своем обещании?

Винкельхок рассмеялся и нырнул под парусиновую койку за своим чемоданом.

– А если утром придется лететь? – спросил он, уродуясь с непослушным замком.

– У меня похмелья не бывает, – гордо ответил Болът. – К тому же я не собираюсь допиваться до потери человеческого облика.

Дирк одобрительно хихикнул и выпрямился, протягивая гауптману пузатую бутылку.

– Ого, – восхитился тот, – сто лет не пробовал такого счастья. Когда-то, в студенческие времена, у меня был приятель, член нашей корпорации⁷, у которого, в свою очередь, был дядюшка во Франции. Иногда старик присылал ему поистине удивительные вещи. Студенты-гуманитарии, знаешь ли, всегда были редкими пьяницами.

– Угу, – кивнул Винкельхок. – Больше вас, пожалуй, пили только богословы. Сталкивался я с этой публикой.

– Идем, – прошипел Болът с видом опытного заговорщика.

Дирк поймал его за шиворот на самом выходе.

– А коллеги не обидятся, что мы с тобой пьем без них?

– Спятил? – искренне удивился гауптман. – Да если Торн узнает...

– Ничего не будет, – уверенно махнул рукой Дирк, пряча бутылку под рубашкой. – Это я тебе говорю точно. Медведь сам крепко грешит. Он ведь начинал службу в кавалерии, а там... понятно, в общем, да?

Чуть высунув от нетерпения язык, Болът провел Дирка между палатками и гостеприимно откинул брезент на входе в свое жилище:

– Прошу.

⁷ Имеется в виду студенческая корпорация, в германских университетах того времени явление почти обязательное.

На желтом ящике с итальянскими надписями, который служил командиру эскадрильи столом, уже ждали хозяев алюминиевые судки с ужином. Болът приподнял одну из крышек, понюхал.

– Опять рыба с макаронами, а!.. Ты посмотри на этих сволочей... Что-то мне слабо верится, что им на самом деле нечем нас кормить. У вас во Франции, наверное, было не в пример лучше?

– Н-да, шоколад, по крайней мере, доходил до нас почти всегда. Иногда даже фрукты бывали. Вообще, я слышал, что крепко кормят одних только подводников – сюда я плыл с одним парнем из Дориана⁸, так он рассказывал интересные вещи. Папаша Дениц для своих ничего не жалеет.

– Значит, им можно позавидовать. Нам скудость меню объясняют трудностями в снабжении, да еще и добавляют при этом – радуйтесь, парни, что хоть горючее вам доставляем.

Порывшись в истрепанном сундучке, Болът извлек на свет божий пару старинных бокалов, озабоченно подул в каждый из них и выпрямился – в глазах светилось нетерпение пьяницы:

– Ну, начинаем!

Дирк негромко рассмеялся. Поспешность при питии французского коньяка представлялась ему святотатством. Он удобно устроился в складном парусиновом креслице, понюхал содержимое своего судка и принялся распечатывать вожделенную бутылку – не спеша с чувством и достоинством. Болът, беспокойно облизываясь, не сводил глаз с его пальцев.

Открыв емкость, Винкельхок неторопливо налил в бокалы на пару пальцев и вопросительно посмотрел на собутыльника.

– За знакомство! – быстро произнес Болът, одним махом отправляя коньяк в горло.

– Мне кажется, – заметил Дирк, – что нам стоит сперва съесть наш ужин, а потом уже, под кофе, насладиться коньяком. Мне отчего-то не хочется портить его вкус этой, э-э-э, балтийской селедкой.

Болът преданно кивнул, и новую порцию Дирк разлил по бокалам только тогда, когда липкие макароны и пересоленная рыба уютно улеглись в офицерских желудках. Кофе на этот раз оказался настоящим и на удивление неплохого качества. Сделав пару глотков, Дирк решил, что решение было верным, эта бурда коньяк не испортит.

– За победу, – предложил он.

– За победу... – задумчиво повторил Болът, проглотив напиток. – Какая она будет, эта победа? Какая – и для кого, скажите мне на милость?

Винкельхок незаметно поморщился. Тема могла оказаться опасной. Желая отвлечь Болта от неожиданно возникшей тоски, он извлек из кармана пару привезенных из Франции сигар и протянул одну ему.

– Угощайся, Гюнтер. Это – настоящая «гавана».

– Я смотрю, вы совсем неплохо жили у себя в Нормандии! – восхитился гауптман.

Дирк не стал ударяться в подробности и объяснять наивному парню, что неплохо жили отнюдь не все, а скорее лично он, обер-лейтенант Дирк Винкельхок, наделенный талантом находить общий язык с любым ресторатором в любой точке галактики. Эту науку ему случилось постичь еще в те светлые времена, когда сам он носил совершенно другое имя, а меланхоличный философ Болът ходил пешком под стол и нещадно мочил пеленки. Жизнь профессионального воителя приучила его обходиться минимумом комфорта, но от возможного максимума он не отказывался никогда. По сути своей он был человеком, весьма далеким от сознательного аскетизма.

⁸ Дориан – город на атлантическом побережье Франции, в начале сороковых годов – крупнейшая база германских подводных лодок.

Болт скрипнул колесиком солдатской самодельной зажигалки, поднес огонь приятелю и с видимым наслаждением затянулся, выпустив дым через ноздри к потолку.

– Умники говорят, что сигары следует курить не затягиваясь, – заметил он. – Я так не считаю. Если курить не затягиваясь, то какого дьявола вообще ее зажигать? Это вроде как лечь с женщиной, не сняв подштанники. Как ты считаешь, Дирк?

– Любопытное сравнение, – хохотнул Винкельхок. – Вот что такое университетское образование!

– Иронизируй, негодяй, иронизируй...

– Отнюдь, – Дирк усмехнулся и взял в руку бутылку, намереваясь вновь налить, – юмор у меня такой, что ж теперь делать? При случае я охотно могу посмеяться и над самим собой.

– Ценное качество. Особенно в наше мрачное время. Послушай, Дирк... я все время хотел спросить у тебя одну вещь... ответь мне, пока мы еще трезвые...

– Да? – Рука Винкельхока замерла на полпути к бокалам.

– Ты – человек?

От неожиданности Дирк крикнул и чуть не пролил пару капель на стол. Такой постановки вопроса он никак не ожидал. Куда чаще у него спрашивали про факиров или, что веселее, ведьм и колдунов в роду – причем почти всегда в шутку. Болт же был серьезен. Винкельхок налил ему и себе, извлек из заменявшей пепельницу консервной банки свою сигару и подумал, что, впрочем, с магистром философии он общается впервые. И может быть, не стоило бы вот так, с ходу, демонстрировать сообразительному парню свои способности.

– Интересно, Гюнтер, а кем ты меня представляешь?

– Не знаю, поэтому и спрашиваю.

– Гюнтер, дружище, разве ты учился на богословском факультете?

Болт криво ухмыльнулся и протянул руку к бокалу.

– Я не считаю тебя демоном – если ты это хотел сказать. Я вообще не религиозен, хотя как историк знаю, что чудес – истинных, никак не объяснимых, но, тем не менее подтвержденных свидетельствами достаточно хладнокровных авторитетов – на свете было немало. – Он залпом выпил коньяк, сделал глоток кофе и стиснул сигару зубами. – Но, посуди сам: ты очень странный тип. Ты видишь в темноте, ты видишь гораздо дальше любого нормального человека, более того – твое поле зрения гораздо шире, чем у самого глазастого горца... но самое любопытное то, что ты действительно просчитываешь все возможные траектории оборонительного огня противника – я понял это во время нашей атаки «Веллингтона». Интересно, как? Признаться, я был шокирован. Пойми меня правильно, Дирк, – мне приходилось встречать людей с возможностями, выходящими далеко за рамки обычных человеческих. Но ты – это что-то совсем другое. Что же, Дирк?

– Гюнтер, меня уже таскали в гестапо, – с улыбкой ответил Винкельхок. – Да, зрение у меня не совсем обычное – ну так что же? На свете встречаются самые разные уроды: с хвостами, с острыми ушами... и всякое такое.

Болт упрямо сжал губы.

– О, господи!.. Давай не будем валять дурака! Я мог бы поверить в зрение, Дирк... если бы дело было только в нем. Я думаю, то, что я успел увидеть, – одна десятая, если не одна сотая твоих истинных возможностей. Впрочем, я не требую ответа... и обещаю тебе молчать. Я прекрасно понимаю, что все остальные, даже Медведь с его громадным опытом, – слишком тупы и ограничены, чтобы разглядеть в тебе все это. Я не стану болтать.

На минуту в палатке повисла тишина. Дирку показалось, что ее можно потрогать руками: он знал, что за ней последует, и судорожно искал наиболее простой выход. Он только не знал, где искать. Секунды шевелились в его мозгу, как иголки, стремящиеся погрузиться все глубже.

– Тебе все равно никто не поверит, – выдохнул он, свирепо массируя вдруг заколовшие виски. – Все вокруг знают, что твои нервы находятся не в лучшем состоянии, да и к тому

же – твое, без шуток, блестящее образование работает на определенную подозрительность со стороны обычных, ничем не примечательных солдафонов. Плюнь на меня, Гюнтер, – я хочу сказать, плюнь на меня как на проблему – я не стою твоих потраченных нервов. И вообще... – Он помедлил и неожиданно для самого себя нахлюпал почти по полбокала. – Ответ этот тебе и не нужен. Тебе достаточно знать одно: я – на твоей стороне, ты можешь рассчитывать на меня. И при этом не морочить себе голову.

Ему показалось, что Болът слегка побледнел; впрочем, в тусклом свете подвешенного под потолок фонарика судить об этом было трудно.

– Хорошо, – твердо произнес гауптман. – Забыли, Дирк.

– В таком случае, продолжаем. – Винкельхок поднял свой бокал и тихонько дзинькнул им по бокалу гауптмана. – Мне кажется, у нас немало тем для разговора.

– Верно, – кивнул Болът с какой-то совершенно мальчишеской бесшабашностью в голосе.

Глава 3

– С северо-востока – бомбардировщики противника, два эшелона по шестьдесят-семьдесят машин в каждом. Число истребителей прикрытия определить трудно.

– Вас понял. Канарейка, вас понял...

Дирк перещелкнул тумблер.

– Гюнтер, уходи. У нас слишком мало горячего.

– А ты?

– Я хочу слегка порезвиться.

– Мне хватит бензина на пару атак.

– Не сходи с ума!.. Итальянцы поднимутся минут через пять и успеют перехватить эту ораву над заливом.

Болът обиженно засопел и лег на правое крыло, намереваясь набрать высоту. Он явно не желал оставлять друга в одиночестве.

Дирк усмехнулся и прибавил обороты. Еще холодный двигатель, работавший до того в режиме малой нагрузки, неожиданно резво подхватил легкую машину, вынося ее вверх, под самую кромку редких перистых облаков. Винкельхок не стремился, как почти все его коллеги, атаковать «от солнца» – ему было вообще безразлично, видит его противник или нет. Когда понадобится, все равно увидит.

На бортах его «мессера» змеился странный узор из трех сплетенных ярко-синих колец: один из механиков оказался толковым художником и точно воспроизвел его эскиз. Синие кольца уже видели в небе над Британией, а когда-то они сверкали переливчатым перламутром на лаково-алой броне совсем другой машины, и в красном зеркале бортов отражались звезды!.. Задрав голову, Винкельхок разглядел висящий под самым солнечным диском самолет Болъта и подумал о том, что гауптман ведет себя так, как, в общем-то, и должен был – заняв неуязвимо-выгодную позицию, «пасет» своего друга, в любую секунду готовый сорваться в стремительное пики, чтобы отсечь от него излишне ретивого противника.

В кольцах дальномера появились узкие длинокрылые фигурки старомодных британских «Уитли». Двухмоторные гиганты, едва ли не самые крупные самолеты РАФ, шли ровным, хорошо слетанным строем чуть ниже роя «Харрикейнов» сопровождения. Несомненно, его успели заметить: две пары истребителей, оторвавшись от своих подопечных, резво легли на крыло и помчались ему навстречу.

Винкельхок криво улыбнулся и толкнул ручку...

В первую секунду Болът не поверил своим глазам: машина Дирка неслась навстречу набиравшим высоту англичанам в пологом пики, но не это было страшно: узкое тело «Мессершмитта»... вращалось вокруг своей оси!!! Вот он осадил разъяренный движок, и за куцым

килем самолета выросли сплюнутые патрубками два черных дымных облачка. Вращение неожиданно прекратилось, истребитель перевернулся вниз кабиной, блеснув на солнце нежной голубизной брюха, – и ударил по ошарашенным британцам длинными белесыми нитями трассеров.

Первая пара была поражена сразу – один «Харрикейн» потерял руль высоты и неуклюже завертелся в небе, пытаясь как-то продлить свою короткую жизнь, второй ушел в море без механических повреждений, но с обезглавленным пилотом в разнесенной короткой очереди кабине. Стремительно крутнувшись, Винкельхок выровнял самолет и, форсировав двигатель, поднырнул под растерявшуюся вторую пару, которая шла на полсотни метров выше первой. Теперь прямо под ним плыли широченные серо-зеленые крылья передовых британских бомбардировщиков.

Небо вспухло от шквала огня воздушных стрелков, сверху уже неслись истребители сопровождения – дерзкий акробат с синей эмблемой на борту просто не мог уйти живым!

Казалось, он не обратил на них ни малейшего внимания. «Мессершмитт» опустил нос почти вертикально и прошел сквозь строй двухмоторных «Уитли» – при этом один из них задымил и, резко свалившись на правое крыло, рухнул вниз. Никто из англичан не успел понять сути происходящего. Истребитель с черными крестами и странными синими кольцами за кабиной падал в море на совершенно безумной скорости, выхода из которой быть не могло в принципе... У Больта перехватило дыхание, и он отчетливо понял: все, это конец, сейчас у «мессера» отвалится плоскости.

Оказалось, нет. Дирк, который давно должен был проститься с жизнью и скрыться в пенном кольце поднятой самолетом волны, с непостижимой легкостью выровнял свой готовый развалиться «Мессершмитт» и понесся над самыми гребешками ласковых средиземноморских волн. Кое-кто, конечно, испытал жгучее желание упасть в пике, настичь наглеца, утопить его в этой сонной зеленой воде. Но сразу с двух направлений от Триполи мчалась целая армада зализанных оранжево-желтых «Макки-Капрони» итальянских ВВС, поднятая по тревоге для отражения неожиданного налета.

Болт уже шел на юг. Оглянувшись для перестраховки, он убедился, что его ведомый благополучно набрал высоту и двигается следом за ним.

– Не жди меня, – неожиданно произнес молчавший до того Дирк. – Скорее всего у меня не хватит горючего. Садись первым – я доползу на малом газу и, может быть, даже сяду.

– Понял, – ответил гауптман, переключаясь на связь с базой. – Канарейка вызывает Маму. Повторяю, Канарейка вызывает Маму.

– Канарейка! – почти завопил в ответ Торн. – Почему не откликаетесь на наши вызовы? С вами все в порядке?

– Приготовьте санитарную машину, у Синего проблемы с горючим.

Опустившись на аэродроме, Болт поспешно вырулил к боксам и покинул кокпит, на ходу срывая свой полотняный шлем. Парашюта у Дирка, как всегда, не было – значит, оставалась вынужденная посадка. Дело для такого аса на технически исправном самолете, пусть и с заглушим двигателем, вроде бы нехитрое, но Больта бросало в холодный пот при мысли о том, что тех самых последних капель как раз и не хватит для поиска ровной площадки...

Торн стоял возле командного пункта, напряженно всматриваясь в сверкающее небо, рядом с ним топтались взволнованные адъютант полковника майор Кифер и несколько пилотов.

– Дотянет он, дотянет, – упрямо шипел Торн, покусывая нижнюю губу, – зря психуем.

– Вон он! – выкрикнул Кифер, протягивая руку. – Идет!

Остановившись рядом с командиром, Болт перевел дыхание и посмотрел туда, куда указывал вытянутый палец Кифера. Действительно, с северо-востока стремительно приближа-

лась жужжащая точка самолета. Стоявшие вокруг Торна люди облегченно вздохнули. Со слов Больта они уже знали, что Винкельхок умудрился сбить троих англичан.

«Мессершмитт» Дирка снизился... и неожиданно наступила тишина. Двигатель, все-таки дотянувший машину до дома, встал, высосав из баков последние капли топлива. Болт затаил дыхание. Винкельхок тем временем выпустил шасси и как ни в чем не бывало пошел на посадку. Машина снижалась ровно и уверенно – вот наконец колеса передних стоек коснулись земли, истребитель мягко подпрыгнул, опустил хвост и помчался, вздымая за собой шлейф желтой пыли, по взлетно-посадочной полосе.

– Молодец!.. – выдохнул Торн. – Майор Кифер, распорядитесь принести наш обед в мою палатку.

Адъютант поспешно кивнул и исчез в бараке КП. Болт украдкой вытер неожиданно вспотевший лоб и вопросительно поглядел на Торна. Командир понял его: ухмыльнувшись, он легонько подтолкнул гауптмана к стоявшему рядом с баракком «Хорьху»:

– Давай, жми. Жду вас обоих на обед.

Болт стремительно прыгнул за руль, придавил стартер, торопливо вбил передачу и помчался к остановившемуся посреди поля самолету Дирка, возле которого уже суетились фигурки механиков.

– Ну, как? – восторженно заорал он, выскочив из машины навстречу Винкельхоку. – Порядок?..

– У меня иначе не бывает, – устало улыбнулся Дирк, с размаху хлопнув товарища по плечу. – Мы с тобой сегодня молодцы. Торн должен быть доволен. Или как?..

– Приглашает нас на обед.

– Ага, это значит, что сегодня мы уже никуда не полетим. Хорошо – боюсь, я здорово растряс свою несчастную птичку, и механикам придется ее внимательно осмотреть. Как бы лонжероны не уехали... Честно говоря, для таких трепок она не предназначена.

Он забрался на сиденье рядом с Болтом, достал из наколенного кармана свой неизменный портсигар и с явным наслаждением закурил. Гауптман развернул машину и не спеша двинулся в сторону брезентовых апартаментов командира полка. Глаза его по-прежнему горели восхищением.

– Я все-таки не могу понять, – произнес он, не глядя на собеседника, – как тебе удалось благополучно выбраться из того пике. Ведь ты, похоже, шел чуть ли не на полном газу! Какая у тебя была скорость – девятьсот?

– Что-то больше тысячи – субъективно, – негромко ответил Винкельхок, – я не смотрел на приборы. Важно было поймать тот момент, когда птичка начнет терять свои крылышки, и выйти за пару секунд до этого прискорбного события. Ты так даже и не пробуй, не выдержишь. В нижней точке перегрузка шкалила за пять единиц, тебе это не по силам.

Болт не совсем понял, о каких единицах идет речь, но переспрашивать не решился. Сейчас ведомый стал казаться ему фигурой куда более таинственной, чем вначале. То, что Болт видел сегодня, убедило его окончательно – Синий Дирк наделен некими знаниями и навыками, абсолютно недоступными обычному человеку. Ни одному пилоту, находящемуся в здравом уме, будь он хоть трижды асом, не придет в голову совершать такие самоубийственные маневры, ежесекундно грозящие полным разрушением самолета. Ни один воздушный снайпер не способен стрелять с такой нечеловеческой точностью, используя для поражения противника буквально доли секунды! Это невозможно, это немислимо – даже если стрелять в упор, а ведь Дирк ударил по «Харрикейнам» как минимум с трехсот-четырехсот метров... Значит, в лучшем случае они заняли лишь два кольца в его дальномере. Что же, он и траекторию тоже прорасчитывает?

И, в конце концов, почему не рассыпался его самолет?

В палатке друзья ждали Торн и адъютант Кифер, нетерпеливо облизывающийся от дразнящего нос аромата виски – рюмки уже были налиты и ждали хозяев рядом с полными тарелками. Болт сунулся было с уставным докладом, но командир оборвал его взмахом руки:

– Садитесь, гершафтен. Поздравляю с победой!

Винкельхок с удивлением заметил, что Медведь уже пьян, причем пьян крепко. Это выглядело довольно странным – в любую секунду из Триполи мог прийти приказ на срочный подъем полка, самолеты стояли на поле заправленными, а большинство пилотов с утра не вылезали из комбинезонов.

Он поднял свою рюмку и неожиданно понял: что-то случилось. В глубоких темных глазах Медведа плясал какой-то мрачный огонь, очень напоминавший собой обреченность.

Торн не заставил его мучиться догадками:

– Сегодня утром передовые части вермахта перешли западную границу Советской России почти на всей ее протяженности.

Дирк не почувствовал вкуса виски.

«Черт, – подумал он, жуя что-то, – мне почему-то казалось, что это должно было произойти чуть позже. Или у меня были неверные данные?»

– Значит, нас ждет война на три фронта, – задумчиво протянул Болт. – Хм, это становится интересным.

– Это начало нашего с вами конца, – утробно объявил Торн, и лицо Кифера сморщилось, будто он собирался горько разрыдаться, – и никакой гений фюрера не в состоянии его отодвинуть.

– У Германии не было другого выхода, – тихо заметил Винкельхок.

Торн махнул рукой и потянулся к бутылке.

– Выход был – не влезать во всю эту авантюру. Гром и молния! Я понял все это еще третьего сентября тридцать девятого, тогда, в этой чертовой Польше – ты помнишь, Дирк? Ты помнишь, что я тебе тогда говорил? Будь я проклят, я не первый день живу на свете!

Германия! Эти берлинские свиньи только и способны, что скормить Германию полчищам свинских большевиков, которые проглотят нас, как добрый айсбанн, даже не потребовав пива, чтобы промочить глотку. Германия! Германия превратилась в государство лавочников и пивоваров!

Майор Кифер спрятал голову в плечи, стараясь не смотреть на разглагольствующего командира. А Торн неожиданно обмяк.

– Будем надеяться, что я уже не увижу всего того дерьма, которое нас ждет... – устало сказал он, поднимая свою рюмку.

Обед прошел в подавленном молчании. Медведь исправно подливал виски, и к концу трапезы Болт ощутил легкое головокружение. Дирк, почувствовавший его состояние, поспешил вытащить приятеля из-за стола и отклоняться сразу же, как только Торн достал из нагрудного кармана рубашки измятую пачку американских сигарет. Командир полка проводил их задумчивым взглядом, но возражать против бегства не стал.

Оказавшись на воздухе, Болт нервно рубанул рукой:

– Это уже полное... полное черт знает что! Плести такую ахинею в присутствии собственного адъютанта, который, по определению, должен сотрудничать с гестапо!.. Торн, кажется, допьется до неприятностей.

– Ничего с ним не будет, – ответил Дирк, – вот увидишь.

Войдя в свою палатку, он неторопливо содрал с себя полетный комбинезон, переделся в шорты и лег на складную парусиновую койку. Думать ни о чем не хотелось, но в голове упорно шевелилась мысль о полной бессмысленности, никчемности всех этих одиннадцати лет, об униженности собственного малодушия, которому он поддавался когда-то... о том, что он признал себя побежденным, даже не выходя на поле боя.

Он застонал и потянулся к карману оставленного на полу комбинезона за портсигаром и зажигалкой.

«Да, – сказал он себе, – я проиграл. Я проиграл хотя бы потому, что посчитал себя слабым, не имея на это ни малейшего права. И даже те, кто отнесся к моему выбору с уважением, даже они в глубине души не согласились со мной. Я мог поступить иначе – и тогда не было бы ни этих одиннадцати лет, ни абсурдного бегства от самого себя, ни страха, пожравшего мою душу. Но смог бы я остаться тем, кем я был раньше?»

Раскурив до трескучести пересохшую сигарету, Дирк лег на спину и прикрыл глаза.

И перед ним тотчас встала бездна – знакомая, манящая своей волшебной бесконечностью, она звала его за собой, увлекая в неведомые закоулки проклятой памяти. Он снова видел малиновое сияние боевых мониторов, он видел себя со стороны, он видел все поле в целом: справа Ро Диксон, слева старик Новарра, посередине, чуть впереди остальных, – он, закованный в сверкающую алым броню своей машины. Триада, где он – глаза и уши, а остальные – руки-кинжики. Тогда они поняли все, они помогли ему, хотя и не считали принятое решение единственно возможным. Да, у него был выбор, и сейчас он понимал это куда лучше, чем в то проклятое время.

Из всех видов бегства он выбрал наихудший. Он бежал от самого себя.

* * *

– Ну, идиотизм! – в двадцатый, наверное, раз повторил Болът, закладывая вираж вокруг медленно плывущего над морем самолета своего ведомого. – Где, ну где эта лодка?

Винкельхок не ответил. Они барражировали над заливами уже битых полчаса – по словам немецких моряков, доставлявших в Триполи военные грузы на кое-как вооруженных старых сухогрузах, им регулярно мозолила глаза совершенно непонятного вида (а раз так – значит, британская!) подлодка, нагло болтавшаяся посреди залива. Все попытки итальянской противолодочной службы обнаружить коварную субмарину закончились ничем. Невесть как разговор дошел до Торна, который, недолго думая, отправил лучшую пару полка заниматься совершенно не своим делом.

Разъяренный Болът трещал, как старый голодный попугай, абсолютно не обращая внимания на то, что Дирк и не думал ему отвечать. Действия ведомого были ему непонятны. Первый круг они совершили вполне нормально, и гауптман с облегчением подумал, что через несколько минут Винкельхок решит возвращаться на базу – никакой лодки в заливе не было и в помине, – однако тот вдруг снизился, изменил шаг винта и, убрав газ до опасного минимума, принялся ползать над водой какими-то странными зигзагами. Вниз он не смотрел, вперед тоже.

Он смотрел внутрь себя и испытывал нестерпимое желание закурить.

Где-то здесь, в глубине залива, работал двигатель, которому тут было не место, и это нервировало. Самым странным был тот факт, что Дирк никак не мог определить тип механизма. Он был горячий: сей факт не вписывался ни в какие рамки.

Он не был планетарным «субсистемником» какого-нибудь человеческого корабля, он не походил на применяемые некоторыми молодыми расами ионные преобразователи, он не выдавал характерную для «высоких» полевых систем струю ледяного огня, которую Дирк способен был распознать с огромных, совсем не планетарных, дистанций.

Под крылом его «Мессершмитта» коптила какая-то непонятная чертовщина, и Дирк точно знал, что здесь и, главное, сейчас ее быть не должно.

Ему мешала вода, он не мог определить глубину нахождения цели, он даже не мог точно разобраться с ее местоположением. Непривычная беспомощность бесила его, отзываясь в висках короткими иголочными уколами.

Дирк не спрашивал себя, каким вообще образом у побережья Северной Африки мог оказаться агрегат, не имеющий никакого отношения к действующей эпохе. Он думал о другом. Впервые за долгие годы он столкнулся с силой, идентифицировать которую не смог, – это было жутковато.

Винкельхок поправил сдавившие лоб очки, чертыхнулся и сплюнул на пол кабины.

– Дирк, – хрипло заорал вдруг Болт, – Дирк, над нами – «Сифайры»!

На секунду забывшись, Винкельхок изверг витиеватое ругательство на незнакомом гауптману языке и дал газ. Задирать голову ему не требовалось. Поспешно изменив шаг винта, он обогатил смесь и рванул ручку на себя. Воздетый к небу могучим двигателем, его «Мессершмитт» встал почти вертикально.

Британских палубников было четверо. Рассуждать, какого дьявола они здесь очутились, было некогда – первая пара, используя свое преимущество в высоте, уже неслась наперерез поднимающимся истребителям с черными крестами на крыльях. Болт не потерял хладнокровия – аккуратно разойдясь с ведомым, дал педаль и плавно развернул свою машину носом ко второй паре.

Дирк не стал ждать, когда англичане пристроятся ему в хвост, – парня, проскочившего мимо Болта, он достал с предельной дистанции, размолотив короткой очередью каплевидный фонарь его «Сифайра». Из кабины брызнул поток крови вперемешку с осколками плексигласа, и короткокрылая птица, мелькнув на прощанье сине-красно-белыми эмблемами на фюзеляже, рухнула на крыло и ушла в штопор.

Винкельхок свирепо заложил ручку вбок, крутнул свою машину и оглянулся. «Бф-109» не отличался хорошей обзорностью, а присобаченные к фонарю зеркала особо не спасали. Вывернув голову, Дирк увидел, что Болт, успевший набрать высоту, пикирует на одного из летчиков второй пары. Многочасовые разговоры с Винкельхоком сделали свое дело – гауптман не спешил открывать огонь, дожидаясь, когда узкое тело «Сифайра» займет собой все три кольца его дальномера.

Ведомый сбитого Дирком истребителя всю драпал на север, забыв про своих обреченных товарищей. Винкельхок развернулся с набором высоты и поймал в прицел четвертого англичанина, который уже готовился броситься на увлеченного атакой Болта. Кок винта англичанина был выкрашен в вызывающе-алый цвет, на фюзеляже под фонарем виднелся какой-то родовой герб. Дирк усмехнулся. «Бф-109», послушный его уверенной руке, шел дугой с заложенными элеронами, и аристократ ни на мгновение не выпадал из его дальномера. Ему хватило бы двух секунд, чтобы расстрелять сидевшего в кокпите «Сифайра» парня, но он не спешил открывать огонь.

Болт тем временем зажег «своего» англичанина и вновь развернулся, намереваясь набрать высоту и схватиться с последним. Но «британский аристократ» не выдержал. Патрубки его движка сплюнули пару сизых тучек дыма, и воздетый форсажем истребитель рванул наутек.

– Хорошая работа, – разлепил губы Дирк. – Поехали домой, дружище. Глядишь, успеем к обеду, пока он горячий.

– Черт, а где же остальные? – тяжело дыша от возбуждения, спросил Болт.

– А нет никаких остальных, – пожал плечами Дирк. – Вон, макаронные парни на берегу аплодируют... а в воздухе нет никого.

– Ты уверен?

– Я?!

– Н-гм... – Винкельхок ощутил смущение своего друга. – В самом деле... но что это за странный налет – вчетвером и без бомбардировщиков?

– Ты лучше доложи нашей Мамочке, – посоветовал он, – того и гляди, это был какой-то отвлекающий маневр. Англичане хитры, как лисы.

Он понял, что прав, раньше, чем Болът успел вызвать базу, – где-то далеко на востоке ревели моторы десятков бомбардировщиков, штурмующих тыловые подразделения Африканского корпуса генерала Роммеля, не успевшие подтянуться вслед за стремительно продвигавшимся к Египту танковым авангардом. Полк Торна, непонятно почему до сих пор прохладившийся западнее Триполи, не успел бы достать их при всем желании самого неукротимого Медведя.

Разумеется, говорить об этом с Болътом Дирк не стал. Его ведущий и так заметно психовал, придавленный пониманием того, что за спиной приятеля затаилась какая-то жгучая тайна, выстроившая между ним и миром остальных людей пусть невидимую, но прочную стену.

Иногда Дирк ловил себя на мысли, что умница Болът – именно тот человек, которому, наверное, можно рассказать все. Исповедаться, спросить совета. Но... Винкельхок не был уверен, что гауптман-философ вынесет обрушившийся на него удар, удержавшись от паники. Нет, в гестапо он, конечно, не кинется, понимая, что его просто-напросто отправят сушиться в дурдоме, но вот не спятит ли он на самом деле?

Полк занимался своими делами. Летчики играли в футбол, наземные экипажи ковырялись с побитыми в недавних боях самолетами, на машине командира опять меняли заклинивший двигатель – Торну второй раз подряд повезло дотянуть до базы с пробитой системой охлаждения, – и на спокойно приземлившуюся пару никто не обратил особого внимания. Весь полк уже привык к тому, что командир второй эскадрильи и его мрачноватый неразговорчивый ведомый то и дело летают на «свободную охоту» по особым распоряжениям самого Торна. Их «мессеры» могли исчезнуть и на рассвете, и за пару минут до заката – приказы Медведя зачастую были столь же непостижимы, как и он сам.

Остановив машину на два корпуса позади севшего первым Болъта, Дирк неторопливо отстегнул привязные ремни, выдернул из гнезда штекер ларингофона и откинул фонарь кабины. Выпрыгнувший из своего «Мессершмитта» Болът сокрушенно говорил что-то подбежавшему к нему механику.

– На этот раз меня все-таки достали, – сказал он Дирку, указывая на ряд отверстий в правом крыле.

– Странное дело, я не заметил, – отозвался тот. – Кто это?

– Тот оборванец с графским гербом на кабине. Проклятье, почему ты его не завалил? Я ведь отчетливо видел, что ты шел за ним, как кот за мышью.

– Почему ты решил, что герб у него был именно графский?

Болът махнул рукой.

– Корона была графская... Ладно, забыли. Я сам хорош – прозевал появление этих свиной. Ты, кстати, тоже, – негромко добавил он, многозначительно глядя на Дирка.

– У меня были причины.

Болът остановился и на секунду прикусил губу.

– И что мне докладывать по поводу этой, будь она неладна, лодки?

– То, что ты видел, – спокойно ответил Винкельхок. – Никакой лодки мы не обнаружили. Где она, эта лодка? Ты что-то видел?..

– Но ты точно что-то видел...

– Встретимся за обедом, – устало сказал ему Дирк. – Иди к Медведю, докладывай.

В столовой Болът появился прямо в комбинезоне. Приняв из рук повара поднос с тарелками, он плюхнулся напротив Дирка, швырнул на скамью свой полотняный летный шлем и, морщась, вытер со лба пот.

– Командир пьян, – объявил он.

Дирк сосредоточенно облизал свою ложку.

– Подумаешь. То ли еще будет.

– Да, но старик доиграется! И на его место пришлют какого-нибудь самоуверенного красавца с золотым партийным значком и налетом в тысячу часов. То-то нам радости будет.

– Во-первых, – начал Винкельхок, – друзья Толстого Германа не могут, как ты выражаешься, «доиграться». Торн и так сидит в самом паскудном для него месте – дальше его уже не пошлют, некуда. Во-вторых, придурков с налетом в тысячу часов в «третьем рейхе» на полк пока еще, слава богу, не ставят, какие бы значки у них на кителе ни висели. И вообще, что у тебя с нервами? Какое тебе, собственно, дело до пьянства командира? Ты что, сдал ему в аренду свою печень? Или ты боишься, что поведение старого кавалериста сможет отразиться на нашей с тобой жизни? Ха-ха. Истинный воин не должен бояться судьбы – наоборот, встретив на своем пути бурю, он обязан сокрушить ее бурей своего клинка, – с чувством продекларировал он.

– Откуда это? – поразился Болт.

Дирк понял, что слишком разошелся.

– Неважно, – поморщился он. – Я только хочу сказать, что ты слишком драматизируешь свою ситуацию... нашу ситуацию. Психуешь без всякого толку. Сегодня прозевал этих уродов. Кого ты завтра прозеваешь?

Болт густо покраснел и опустил глаза. Он прекрасно понимал, что Дирк прав на все сто. Четыре «Сифайра» подкрались к заливам на большой высоте, и для него они заходили со стороны солнца – да, но верно было и то, что он, гауптман Болт, совершенно позабыл о слежении за воздухом, привычно положившись на странные способности своего ведомого.

Собственно, сегодняшняя «слепота» Дирка поразила его не меньше, чем непонятное поведение обер-лейтенанта над морем. Кого он выслеживал, ползая зигзагами над самыми волнами? Болт готов был поклясться, что ничего похожего на рубку или даже на торчащий из воды перископ он не видел, хотя то и дело сворачивал себе шею, пытаясь рассмотреть в мелкой ряби то, что так беспокойно вынюхивал там его ведомый.

– Да это, пожалуй, не нервы, – устало отмахнулся он. – Так... вообще. Не создан я для войны.

– Кто тебе это сказал? Ты прекрасный летчик, и единственное, чего тебе недостает, – это хладнокровия, ты увлекаешься поединком и начинаешь делать глупости. Хотя и это, в общем-то, не худший вариант.

– Вот как, – заинтересованно улыбнулся Болт, – а что же, по-твоему, худший?

– Худший – это ненависть. Воин, который идет в атаку, влекомый невестью к врагу, уже обречен. Поединок не может строиться на эмоциях. Первый урок в науке побеждать: для того, чтобы стать настоящим воителем, научись ценить красоту поединка. Второй: научись уважать своего противника. Если ты хочешь выйти из этой войны живым, я могу попытаться научить тебя, как это сделать. Вряд ли тебе выпадет столкнуться с противником, который будет настолько сильнее тебя, что ты не сможешь его одолеть. Или, в худшем случае, уйти от него. Уйти, кстати, – это отдельное искусство.

– Ты хочешь сказать, что за пару дней вылепишь из меня лучшего аса Люфтваффе? Самого результативного, самого неуязвимого?

Дирк покачал головой и отхлебнул из кружки кофе.

– Дело не в результативности... У тебя есть все, что может понадобиться человеку, желающему пройти через сотни битв и уцелеть. Понимание.

– Понимание – чего?

– Истины войны. В тебе нет злости. Для начала запомни: все твои оппоненты стоят одной ногой в могиле, если они туда не попадут сегодня, значит, это случится завтра. Они ненавидят тебя, ты для них – злейший враг, и эта ненависть застилает им глаза, туманит их разум. Долго ли провоюет воин с закрытыми глазами? Не позволяй своим эмоциям ослеплять тебя, представь свой поединок танцем, в котором ты обязан вести партнера...

– Прости, Дирк, но я не умею танцевать.

– Хорошо, не будем возвращаться к этому сравнению. Запомни: до тех пор, пока ты не позволишь своей любви или ненависти вырваться из-под контроля разума, ты будешь непобедим. Вообрази себя игроком... или в карты ты тоже не играешь?

– Отчего же, играю. Но, увы, я не азартен.

– Прекрасно! Профессиональные игроки, чтоб ты знал, самые флегматичные люди на свете.

Большой закончил есть и отодвинул тарелку. Его голубые глаза изучали Дирка с каким-то новым, незнакомым тому любопытством.

– Ты все равно не сможешь научить меня летать так, как это делаешь ты, – сказал он, забарабанив ногтями по своей кружке.

– Кое-чему, безусловно, смогу. Но дело ведь не в технике пилотирования или точности стрельбы – с этим-то у тебя и так все в порядке, случайный придурок тебя уже не собьет. Начинать надо не с этого. Невозможно научить ребенка читать, если он не знает букв, верно? Так и здесь – сначала нужно понять самую суть воинского искусства. Настоящий воин не может быть убийцей, потому что тот убивает, руководствуясь своими эмоциями: воин же должен быть игроком, холодным, как сталь, ибо на кону у него стоит ни много ни мало собственная жизнь, а иногда – и кое-что более ценное... но варианты с личным подвигом мы рассматривать не станем: я обещал, что научу тебя, как выжить, и не более того. Героизм мы оставим героям. Тебе он ни к чему. Запомни: в восьмидесяти случаях из ста героизм – следствие чьих-то ошибок, чаще всего тех, кто отдает приказы. На хорошей войне героизма не должно быть вообще.

– Интересно, а что ты понимаешь под «хорошей войной»?

– Войну математически продуманную. Войну, в которой «стратеги» несут личную ответственность за свои просчеты и ошибки, за свой идиотизм и свою зашоренность. За свой, наконец, маразм, который они даже не пытаются маскировать под благородную седую глупость.

– Я тебя понял, – смеясь, перебил Большой. – Но так не бывает.

– Да как тебе сказать... – Дирк допил свой кофе и решительно встал. – Пойду-ка я вздремну. Если что-нибудь стряется, пришлешь за мной своего денщика, ладно? Мне кажется, что наш доблестный Кифер относится к той категории зануд, которые до смерти любят неожиданные построения личного состава.

– Что правда, то правда, – усмехнулся Большой, поднимаясь вслед за ним.

Глава 4

– У тебя странная склонность подкрадываться незаметно, – не оборачиваясь, произнес Винкельхок, и Большой шумно вздохнул, опустив плечи. – Впрочем, тебе это не удастся.

– Я все время забываю, что к тебе подкрасться невозможно, – тихо рассмеялся гауптман, доставая из кармана наброшенной на плечи шинели сигареты.

Дирк обернулся – на нем была привезенная из Франции коричневая кожаная куртка-«канадка» с пристегнутыми к плечам погонами, надетая на голое тело, и странный в такой обстановке белый шелковый шарфик. Он затянулся, и ярко вспыхнувший огонек сигареты осветил его скуластое лицо с узким, едва ли не девичьим подбородком и запавшими вокруг носа тенями.

– Я не первый раз вижу, что ты гуляешь по ночам, – сказал Большой.

– Мне нравится это небо, – ответил Винкельхок. – Оно сильно отличается от европейского.

– Наверное, оно напоминает тебе небо родины?

– Что?! – Дирк едва не поперхнулся дымом. – Родины? Ах, ну да, конечно... – Он понял, что Болт имел в виду Южную Африку. – И да и нет, дружище. Вообще-то у меня на родине звезд побольше.

– Как-то все это глупо... – проговорил Болт в сторону.

– Что – все?

– А... ничего. Дирк, что ты нашел в заливе?

– Кто тебе сказал, что я там что-то нашел?

– Я знаю, – голос Болта вдруг стал умоляющим. – Я видел...

Винкельхок повел плечами и опустил голову.

– Если честно, я сам не знаю. Не знаю, Гюнтер, не знаю... И – пойми, прошу тебя: мой ответ не принесет тебе счастья. Так бывает, ты должен понимать.

Болт стиснул свою сигарету зубами.

– Разумеется, – горько усмехнулся он, – я знаю, что правда не всегда бывает сладкой.

– Ты оперируешь неверными категориями. В нашем случае правда оглушит тебя. Она придавит тебя к земле, и ты враз потеряешь свои крылья.

– Ты все время говоришь какими-то странными аллегориями. Я перечитал массу историко-философской литературы, я всерьез увлекался Востоком, но что-то не припоминаю ничего подобного. Что ты сейчас процитировал?

– Гюнтер, высокая мудрость зародилась на Земле гораздо раньше, чем ты привык считать.

– Ты говоришь о допотопных цивилизациях? – хмыкнул Болт. – И об этом я читал. Ты веришь в эту ерунду?

Винкельхок беззвучно рассмеялся и присел на корточки. Болт опустил рядом с ним. Только сейчас, в полумраке африканской ночи, он вдруг с необыкновенной ясностью осознал, что же именно так поразило его в облике Дирка, причем поразило сразу же, при первом знакомстве – странное, нечеловеческое изящество, заложенное в каждое движение его узкобедрой фигуры. Он не просто двигался – он танцевал, танцевал в каждом жесте, словно земное притяжение действовало на него не так, как на остальных людей.

– Я пережил драму, – негромкий голос Винкельхока вырвал Болта из размышлений, – прости за банальность, но все наиболее точные определения, увы, сильны именно своей банальностью... Прямо каламбур получается. Я потерял очень многое и не захотел сражаться за все остальное. Я предпочел потерять вообще все, кроме своей никчемной жизни. Честно говоря, я не видел смысла...

– ...смысла жить?

– А, нет... самоубийство – штука слишком серьезная, тут речь идет о больших энергиях, особенно в моем-то случае. Нет, я хочу сказать, что в тот момент я не видел смысла продолжать сражение. Или, быть может, начинать новое...

– Для тебя это одно и то же?

– Ну, знаешь, в тот момент ситуация выглядела именно так. И вот я решил бежать. В моем бегстве не было никакой цели: меня несла боль, я полностью покорился ей и дал себе слово не перечить ее упрекам. Сперва я думал, что мне удалось удрать от всего на свете, и главное – от самого себя. Но вот прошло какое-то время, и до меня, убогого, начало доходить, что тогда были варианты выбора, те самые варианты, о которых мне говорили друзья и которые я не желал видеть. Сейчас же я вдруг стал понимать, что дело, в сущности, вовсе не в вариантах – ха-ха, я просто дезертировал с поля боя. Проклятье, я – дезертир!

Болт отбросил в сторону окурков и потянулся в карман шинели за новой сигаретой.

– И вернуться ты уже не можешь? – тихо спросил он.

– Могу. В любую секунду. Зачем? Я бежал от собственного страха. Этот страх куда сильнее всех известных тебе... Ты думаешь, я от него удрал? Он догонял меня везде, он – это я, а я – это он. Мой страх живет за границей, разделяющей добро и зло.

– Эта граница проходит в душе каждого из нас, – уверенно возразил Больт.

Винкельхок вновь рассмеялся.

– Слишком просто, – покачал он головой. – Если ты помнишь, я не успел рассказать тебе о двадцати процентах героизма... хм. Эти двадцать процентов являются следствием страха, причем в большинстве случаев этот «герой второго типа» отказывается анализировать мотивы своего поступка – в отличие от первого, «восьмидесятипроцентного». Тот как раз очень любит рассказывать о том, как он думал о своей героической роли, какие возвышенные и благородные мысли разрывали его тупую башку. Второй, «двадцатипроцентный», он молчит как рыба. Ну, врут оба. Первый врёт потому, что никаких героических мыслей у него и в помине не было – ему просто некуда было деваться, а в штанах уже хлюпало, вот он и полез. А вот со вторым сложнее. Дело все в том, что настоящий воитель если и совершает всякие потрясающие подвиги, то только по второму типу, потому что в дурацкие ситуации с чужими ошибками он почти никогда не попадает. Но иногда и его может понести на подвиг. Только мотивы у него другие. Его мотив – страх! Не верь, когда тебе говорят, что нет ничего сильнее страха смерти. Сильнее страха поддохнуть может быть страх выжить. Это очень специфический страх, он встречается в основном у тех, кто связал с мечом всю свою жизнь, – страх выжить, но выжить с мокрой задницей.

– Я не совсем понимаю... Тебя привел сюда страх позора?

– Э, Гюнтер, если бы я сам понимал – особенно тогда! Фактически я уже слышал, как хлюпает у меня в штанах, – но на самом деле все было гораздо сложнее. Настолько сложно, что ты со своими устоявшимися представлениями о чести и справедливости не сможешь понять меня, как бы я ни старался объяснить тебе, что же там было на самом деле. Позора-то я почти избежал, и те, кто сражался бок о бок со мной, поняли и поддержали меня. Но это не значило, что они согласились с моим решением! Они знали, что я обречен, обречен на вечное бегство по стенкам внутри замкнутой сферы, потому что отложенный страх непобедим.

Не договорив, Винкельхок резко поднялся на ноги, и Больту почудилось, что его глаза засветились странным фиолетовым огнем.

– Я не могу понять... – скрежещуще произнес он. – *Himmeldonnerwetter!*.. Это невозможно!

Больт попятился, сглотнув слюну. На секунду ему показалось, что глаза Дирка сузились и из них полились колышущиеся струи сиреневого дыма. Обер-лейтенант задрал голову к бескрайнему ночному небу, неестественно выпрямился и замер. Больт, пораженный и напуганный жутким зрелищем, поспешно отступил в сторону.

– Нет, – отчетливо произнес Винкельхок, – это невозможно. Я просто слишком устал.

Он рывком обернулся. Наваждение пропало, но Больт готов был поклясться, что в его глазах все еще пульсировали, угасая, фиолетовые искры.

– Все-таки ты не человек... – прошептал Больт.

– Человек, – резко ответил Дирк. – Человек может еще и не такое. Но у него нет друзей, и это страшно. Идем спать: что-то говорит мне, что завтра – точнее, уже сегодня, – нам придется рано вставать. Хотя, – добавил он совсем непонятно, – я вовсе не лорд-зрячий и никогда им не стану.

Дежурный офицер поднял их обоих незадолго до рассвета.

Торн, одетый в точно такую же «канадку», что и Дирк, ждал своих офицеров под прожектором возле штабного барака. Несмотря на вчерашнюю пьянку, он выглядел вполне свежим. Впрочем, Винкельхок хорошо знал, что старый кавалерист никогда не мучается похмельем и может идти в бой даже после чудовищной попойки.

– Ребята, – глуховато начал он, – до меня дошел слух, что сегодня к нам пожалуют наши английские друзья. Я прекрасно понимаю, что подставляю вас под нож, как баранов, но другого выхода у меня нет. Вам придется висеть над заливами до тех пор, пока вы не сожжете все

горючее. После этого вы сядете у итальяшек в Триполи – гауптман Болът знает, где и как, он уже там бывал, – заправитесь и подниметесь снова. И так до тех пор, пока...

– Машины готовы? – бесстрастно поинтересовался Болът.

– Да. Вы вылетаете прямо сейчас. Дирк, – Медведь, прищурясь, покосился на оттопыренный карман кожанки Винкельхока, – что там у тебя такое?

– Талисманы, – мрачно ответил тот. – Сегодня мне не хочется с ними расставаться.

– Ты что-то чувствуешь? – насторожился Торн.

– Ничего определенного.

– В таком случае – вперед, господа!..

Их «Мессершмитты» стояли на полосе один за другим. Прицепив к правой ноге протянутую механиком связку сигнальных ракет, Винкельхок резко выпрямился и посмотрел в светящееся небо. Сегодня оно наливалось сумеречным серым светом, предвещая возможную облачность.

– Погода не особенно летная, – процедил он сквозь зубы. – Гм...

Он хлопнул механика по плечу, забрался на левое крыло и влез в кабину. Правая рука привычно захлопнула откидывающийся набок фонарь. Дирк застегнул на шее замок ларингофона, поправил очки и болезненно поморщился. Знакомые уколы в затылке, так поразившие его ночью, не отпускали. Это было невозможно... Электромагнитные возмущения в проклятой атмосфере не давали ему сосредоточиться и точно определиться с ответом... С другой стороны, они же, в принципе, могли быть и источником беспокойства. Он не знал.

Фельдфебель-выпускающий, неестественно сосредоточенный, как и все люди, в конце наряда уже заспанные, но понимающие необходимость и ответственность своего дела, стиснул тонкие губы и взмахнул флажком. Стоявший первым Болът отпустил тормоза. Виляя для проверки рулем направления, «мессер» плавно покатился по полосе. Следом за ним фельдфебель «отмахнул» и Дирка.

– Давай-ка залезем повыше, – предложил Винкельхок. – Если мы и в самом деле наткнемся на ораву англичан, нам лучше иметь резерв высоты, чтобы вовремя смыться. Хотя мне кажется, что сегодня к нам никто не прилетит.

– Там, над морем, на четырех тысячах такой ветер, – согласился Болът, – что любому «Веллингтону» оторвет, к черту, крылья.

– Да, а впереди, похоже, грозовой фронт. Что за чертовщина: дождь посреди лета? Это в Ливии?

– Ты его чувствуешь?

– А чтоб я так понимал, что я чувствую. Чувствую вихревые электромагнитные возмущения... и где-то высоко над нами нарастает ионизация. Ты что-то понял?

– Ни слова.

– Ну вот, а морочишь мне голову своими вопросами.

Северо-восток был затянут мощной седой пеленой грозы, представлявшей собой поистине феерическое зрелище. «Мессершмитт» входил в зону резких порывов ветра, и Дирк отчетливо чувствовал медленно нарастающую вибрацию его хрупкого алюминиевого тела. Его взгляд скользнул по приборной доске: белая стрелка альтиметра показывала две с мелочью тысячи метров. Забираться выше было опасно. Идущий впереди Болът понял это одновременно с ним. Его машина прекратила набор высоты, теперь они шли горизонтально, и летевший выше Дирк видел большие черные кресты на крыльях напарника.

Впереди, в сером мареве рассвета, появились белые барашки далеких волн залива. На Триполитанское побережье обрушился редкий в это время года шторм. Он загнал в глубину залива рыбацкие шхуны ливийцев и заставил итальянский противолодочный патруль вернуться в гавань. Для британских подводников мерзкая погода могла быть весьма благодатна, но Дирк прекрасно понимал, что вряд ли найдется такой кэп, который решится выйти на тра-

верз Триполи, да еще и днем. Ожидать налета торпедоносцев было и вовсе смешно: даже если авианосец и подойдет к побережью, хрупкие маломощные «Свордфиши» не смогут покинуть его палубы. Разве что, в конце концов, александрийские бомберы наберутся мужества и поднимут свои громоздкие «Веллингтоны» и «Галифаксы», справедливо рассудив, что далекие от героизма итальянские истребители не станут взлетать в дождь?..

То недолгое время, которое Дирк провел в полку, позволило ему убедиться в том, что сладкоречивые сыны Рима не особенно горят желанием подставлять свои откормленные на макаронах задницы под английский огонь. Всем был памятен относительно недавний умопомрачительный позор итальянского флота у южной оконечности Греции, когда британские торпедоносцы, несмотря на не самую летную на свете погоду, едва не утопили лучший в мире линкор «Витторио Венето», при этом вызванная с Сицилии авиация и не подумала прийти на помощь гибнущей эскадре, сославшись на «шквальный ветер и ограниченную видимость».

Этого разум Дирка Винкельхока осознать не мог. Дохлые бипланы-торпедоносцы, даже не способные разогнаться до трехсот километров в час, смогли подняться с качающейся палубы авианосца, а героические асы итальянских королевских ВВС якобы не сумели оторвать свои самолеты от твердой земли!

Вспомнив об этом, он недовольно поджал губы и ощутил желание сплюнуть на пол кабины.

– Пойдем в облет заливов? – прорезался в наушниках голос Болта.

Дирк ответил не сразу. Пульсация в затылке, всю ночь сводившая его с ума, неожиданно усилилась. Он что было силы стиснул пальцами ручку управления. На секунду ему показалось, что сознание захлестнет волна отчаяния. Он не мог ошибаться!.. Да, теперь уже точно не мог – он явственно ощущал характерное стрекотание поршневого движка, он чувствовал пульсацию электромагнитных импульсов зажигания в каждом его цилиндре, и это был «Роллс-Ройс» британского «Спитфайра».

– Одномоторный «англичанин» готовится выскочить из-под грозы, – быстро, сбиваясь на почти невнятную скороговорку, произнес он, – Гюнтер, уходи, скорее! Уходи на итальянский аэродром, ты успеешь дотянуть, я тебя прикрою...

– Что?! – Ведущий не понял его слов. – Что ты плетешь? Ты спятил?.. Нас же двое!..

– Гюнтер! – в отчаянии заревел Винкельхок. – Это не человек!!! Уходи!!! Это – лойт!!!

Болт не стал спорить. Его «Бф-109» накренился и, взяв форсаж, ринулся вверх, туда, где через редкие разрывы облачности вдруг прорезались робкие солнечные лучики. Верный старой тактике истребителей Люфтваффе, гауптман стремился прикрыть друга со стороны солнца.

Слова Дирка могли показаться бредом, но он чуял, что Винкельхок отнюдь не бредит и уж тем более не шутит. Черный самолетик, и в самом деле вывалившийся буквально из грозового фронта, стремительно рос, приближаясь к быстро расходящейся паре с крестами на крыльях. Кто – или что? – сидел сейчас в его кабине, скрытый каплевидным плексигласовым фонарем? Об этом он не смел даже догадываться, но искренний ужас, прозвевший в голосе друга, заставил его действовать без промедления. Если Дирк свяжет эту нечисть поединком, он сможет спикировать и достать «Спитфайр» убийственным огнем своего оружия со стороны хвоста. Гауптман Гюнтер Болт не сомневался, что сейчас он не промахнется и не зачихует.

Он обогатил смесь до предела. Идущий на предельном газу «Мессершмитт» начал быстро нагреваться, в кокпите стало попахивать просачивающимися через неплотности в перегретом выпуске едкими выхлопными газами. Гауптман стиснул зубы и поглядел через левое плечо вниз. Волна ужаса перехватила дыхание. Дирк быстро снижался над водами залива, и темно-зеленый «Спитфайр» с красно-синими кругами британских ВВС на крыльях уже готовился к атаке.

Застонав, Болът отдал ручку от себя и бросил машину в пологое снижение, разворачиваясь для атаки, хотя он прекрасно понимал, что достать «Спитфайр» раньше, чем тот откроет огонь, ему уже не удастся.

– Ну ты и свинюка, Гюнтер, – неожиданно спокойно произнес Дирк. – Не мешал бы, а... Дело действительно плохо.

Дальше произошло непонятное. Болът готов был поклясться, что не увидел, каким таким образом обреченный, казалось, «мессер» развернулся возле самого носа «Спитфайра» и, перед тем как проскочить над его кабиной, успел все-таки полоснуть по крылу противника короткой дымной очередью...

Дирк бросил короткий взгляд вниз и убедился в том, что высота позволяет ему совершить «мертвую петлю». Это было неплохо. Он искренне считал свой «Бф-109» лучшим истребителем мира – коли так, какая-то тень шанса у него оставалась. К тому же он понимал, что тот, кто сидит сейчас в кокпите британского самолета, считает его самым обычным человеком, ординарным пилотом Люфтваффе, абсолютно не представляющим, с кем ему выпало вести свой последний, по идее, бой.

Дирк попытался поймать его на выходе из петли, стараясь впиться дымными струями трассеров в нежно-голубое брюхо «Спитфайра», но враг оказался проворнее, и очереди прошли мимо. Извергая в эфир многоэтажные пируэты на совершенно незнакомых его ведущему языках, он бросил свою машину в набор высоты. Британский истребитель, проигрывавший по скороподъемности, заметно опоздал. Дирк содрогнулся, видя, как Болът бросился в отчаянную атаку, полосуюя серое небо белыми нитями очередей. Мимо! Высота уже позволяла, и Дирк развернул «мессер» – но секунды, потраченные на непослушно-благородного Болъта, сыграли свою роль. «Спитфайр», открывший огонь с предельной дистанции, все-таки достал его. Самолет задрожал в такт тяжкому металлическому грому, рвущему его хрупкое тело. Две или три пули впились в тело Дирка, и он почти сразу почувствовал, как немеют ноги. Очереди прошли по двигателю, разнеся в куски радиатор, повредив систему питания и вырвав из креплений правый носовой пулемет.

– Ты дымишь! – услышал он отчаянный крик Болъта.

– Уходи! – Дирк вложил в крик все свои силы. – Уматывай отсюда!

Двигатель чихал: за развороченным радиатором тянулись белые струи уходящего из системы охлаждения гликоля. Справа, из-под корня крыла, полоскал тонкий бензиновый поток. В кровь прокусив нижнюю губу, Винкельхок убрал обороты до минимума и проверил управление. Тяги, по-видимому, не пострадали, машина слушалась рулей, хотя он хорошо видел, что правый стабилизатор треплет в потоке рваными клочьями.

Теперь, подумал он, надо убедить эту тварь в том, что мы мертвы.

Прежде чем бросить ручку и сиять ноги с педалей, Дирк на всякий случай посмотрел вверх и с облегчением вздохнул – очевидно, довольный проделанной работой, «англичанин» спокойно удалялся в сторону грозы, даже не предприняв попыток атаковать Болъта. То ли у него не было настроения, то ли горячее подходило к концу, но «Спитфайр» уходил. Уходил!

– Ты сможешь дотянуть до берега? – возбужденно кричал сверху Болът.

– Я уже никуда не дотяну... – устало ответил ему Дирк. – Ты же помнишь, что у меня нет парашюта. Я буду садиться на воду.

– Там шторм!

Он не ответил. Прямо под ним мерно работал странный «горячий» двигатель...

Вытягивая свой изувеченный истребитель как можно «глаже» к нервно танцующим волнам, он услышал в наушниках слабый всхлип, сменившийся затем отборной баварской руганью.

* * *

Его нос пришел в себя несколько раньше, чем глаза и уши, и первые секунды он лежал, приюхиваясь к странной гамме окружавших его запахов: пахло пластиком, разогретым металлом и крепкой смесью сигарного дыма и мужского пота. По концентрации вони стало ясно, что чем-чем, а звездолетом это быть не может. Представить себе корабль с такими ароматами было довольно затруднительно.

Постепенно мрак перед глазами начал рассеиваться, уступая место чуть колеблющемуся, неприятного тона голубоватому свету. Из призрачного сияния выплыло узкое женское лицо, обрамленное густыми черными волосами, и он рывком пришел в себя.

– Кай... – мягко произнесла женщина.

– Да, – ответил он, отказываясь верить в происходящее.

– Кай Харкаан, лорд-охотник Седьмой Звезды Саргона. Кто бы мог подумать, что нам суждено встретиться здесь! Кажется, прошло одиннадцать лет?

– Тебе лучше знать, Валерия.

Она негромко рассмеялась и поправила сбившуюся набок из-под его головы подушку.

– Ты здоров. Вставай.

– Где мы находимся?

– У берегов Италии. Ты проспал почти трое суток: мы успели сходить в Грецию.

– Я имею в виду не это...

Он поднялся на своем ложе и с любопытством огляделся. Узкая койка, на которой он лежал, находилась под переборкой в тесной, как гроб, освещенной газосветными трубками каюте. По отсутствию каких-либо иллюминаторов и низкому металлическому потолку он понял: это субмарина. Та самая, которая болталась на виду у всей Триполитании. Скорее всего, решил он, ядерный крейсер конца века. Да, верно – вот и ответ на вопрос о двигателях. Сталкиваться с атомными системами на практике ему не приходилось, отсюда и невозможность идентифицировать тип силовой установки.

– Атомная подлодка, – утвердительно произнес он.

– Термоядерная, – поправила его женщина.

– Что? Двадцать первый век?

– Ты думаешь, ею так легко разжиться? Нет. Это не человеческая разработка, прошедшая элементарную адаптацию. Здесь тяжело находиться, но ничего лучшего мои друзья не достали. Поверь, им и так очень плохо.

– Твои друзья?

Он рывком сел на кровати, отметив про себя, что последствия ранений не ощущаются пока никак, и сбросил на пол простыню, прикрывавшую его тело. Залитые кровью штанины полетного комбинезона были аккуратно разрезаны вдоль, и он увидел обтягивающие правое бедро кольца-коконы реабилитационной нанокожи.

– Ну здесь и запахи...

– Извини, – невозмутимо усмехнулась женщина. – Эта каюта не имеет дверей, а рядом – боевая рубка. Мы не всплывали двенадцать часов. Что поделаешь, системы регенерации воздуха здесь далеки от совершенства. Ты готов к разговору?

– О чем? О том, что сбитый немецкий летчик оказался твоим...

– ...возлюбленным.

Голос женщины прозвучал словно выстрел, и на некоторое время Кай замолчал, опустив голову и покусывая в раздумье губы.

– Бывшим возлюбленным, Валерия. Ты сделала все возможное для того, чтобы мой статус приобрел свой сегодняшний вид.

Кончиками пальцев она погладила орла Люфтваффе, вышитого на груди его комбинезона.

– Тебе нравилось сражаться на правой стороне?

– Я был опустошен. Я не задавал себе таких вопросов. Мне в руки попали документы парня, погибшего в Южной Африке. Среди них было летное удостоверение. Меня оно вполне устроило. Я хотел сражаться.

– Ты стал немногословен... – Женщина вскинула к лицу левое запястье, и он с изумлением увидел на ее тонкой руке изящные швейцарские часики. – Нам пора готовиться к высадке. У моих друзей здесь что-то вроде базы. Пока ты спал, я ввела тебя в гипностаз. Ты легко поймешь их язык. Еще ты знаешь итальянский и греческий.

«Значит, старая ты змея, я тебе нужен, – подумал он, поднимаясь на ноги. – А то стала бы ты тратить на меня заряды гипнообучения. Интересно, как же ты решила меня пристроить? И кто эти твои странные друзья, которые покупают у межзвездных торговцев древние подлодки, адаптированные под эксплуатацию человеческими экипажами?»

В том, что субмарина весьма стара, он уже не сомневался. Все, даже спертый воздух тесной каюты, говорило о том, что она произведена очень и очень давно. В первые минуты Кай не смог этого понять, но теперь, окончательно придя в себя, сумел услышать пронзающий все нутро лодки треск набора, ощутил наконец вызванные старостью завихрения в изношенных до предела сетях – субъективно он давал ей несколько столетий. Скорее всего лет сорок ее кто-то интенсивно эксплуатировал, а потом она где-то долго валялась. До тех пор, пока на старую железяку не нашелся покупатель. Техника такого уровня, созданная гуманоидной расой, однозначно имеет огромный запас долговечности и неспособна рассыпаться сама по себе даже за столетия хранения. Тем более если хранить ее с умом и в соответствующих условиях.

Нога совершенно не болела, лишь легкий зуд восстанавливаемой ткани напоминал ему о полученных от лойта пулях. Продолжая незаметно улыбаться своим мыслям, Кай встал с койки и прошел вслед за женщиной в узкий коридор с немного покоробленным пластиковым потолком, из которого лился странный голубой свет.

Валерия протиснулась через тесную горловину какого-то лаза и выпрямилась. Кай последовал за ней. Лаз вывел его в относительно просторное помещение, забитое странной для человеческого глаза, совершенно незнакомой ему аппаратурой. Плавать на подводных судах ему не приходилось, равно как и сталкиваться с подобными пультами. Он перевидал немало техники, созданной нечеловеческим разумом, но сейчас, стоя перед переливчатыми, покатыми блоками управления и пытаясь прочесть многочисленные надписи, неподвижно висящие на дисплеях, Кай не смог ответить на вопрос о создателях лодки. Эта раса ему была незнакома.

В двух высоких ковшеобразных креслах перед главным, вероятно, пультом, напряженно щурились в экраны двое – лысоватый мужчина неопределенно-среднего возраста и скуластая молодая шатенка с раскосыми, почти азиатскими глазами, поразившая Кая каким-то странным выражением лица: что-то в ней было не то, но что именно, он сказать не мог.

– Познакомься, – предложила Валерия, – это Кирби Зорган, командир лодки и старший в клане, и его брат Лок...

– Его... брат? – не понял Кай.

– Лок – представитель так называемого «третьего пола», появившегося на Земле через столетие после Взрыва, – пояснила женщина.

Оба Зоргана одновременно развернулись вместе с креслами к Каю, но встать и не подумали. Они изучали его с бесстрастностью сушеной сельди, и на секунду Каю стало не по себе.

– Значит, вы – лорд-охотник, – певуче произнес Док. – Что ж, нам всем очень повезло.

Кай не стал сушить свои мозги анализом его диалекта. Ему все было ясно. Дорогая сученька Валерия спуталась с такими же пришельцами из будущего – с той лишь разницей, что они, по-видимому, коренные земляне. Замечательно. Любопытно будет выяснить, из какой же

они эпохи. Этот Лок наверняка косит на берегу под бабу, по крайней мере, физиономия у него была бы совершенно женской. Если бы он дал себе труд убрать легкую синеву на подбородке. Кирби, похоже, намного старше. Интересно будет выяснить, кто из них опасней. Вот только поскорее!..

Сверток, что оттопыривал карман комбинезона при вылете, уже исчез: значит, исчезло и оружие, и реликвии. Про спрятанный в кобуре офицерский «вальтер» не стоило и вспоминать, зато портсигар с орлом на крышке леди Валерия милостиво переложила в другой карман, и только. Ну, это как раз зря. Реликвии реликвиями, но эта золотая штука стоит куда больше всего остального.

– Да, – произнес Кай, – я – лорд-охотник Седьмой Звезды. Пятый лорд в роду Харкаан оф Саргон.

Лок едва заметно дернул плечами.

– Нам это ни о чем не говорит. Валерия пыталась объяснить, но...

– Потом, – неожиданно перебила его женщина.

Зорган невозмутимо кивнул и повернулся к пульту. Спустя несколько минут лодка всплыла на поверхность. Моторы, бесшумно наполнявшие ее тело вибрацией, смолкли. Кирби Зорган и еще несколько не представленных Каю людей отомкнули верхний люк и исчезли в ночной темноте. Валерия подтолкнула его вслед за ними.

Кай взобрался по узкой скользкой лесенке и оказался на небольшой площадке, окруженной по периметру поднятыми из рубки поручнями ограждения. Лодка стояла в трех десятках метров от темного песчаного берега. Вдалеке угадывались контуры плоских холмов, один из которых был увенчан довольно аляповатым и, судя по всему, старинным особняком. Несколько окон в нем светились желтым электрическим светом.

Услышав тихий всплеск весел, Кай посмотрел вниз и увидел пару небольших шлюпок, болтающихся на волне под самым бортом лодки. Субмарина была погружена в темную воду практически целиком, лишь самый верх ее покатоной спины мокро поблескивал в лунном свете. Рубка, довольно высокая и очень длинная, покато сходила на нет ближе к корме, увенчанной торчащим из воды скошенным плавником руля направления.

Кирби Зорган и его люди, уже стоявшие на металле под стеной рубки, негромко беседовали о чем-то с темными фигурами в лодках. Накинутые на головы капюшоны не позволяли разглядеть лица, но Кай явственно слышал, что говорят они на том самом языке, который только что вбила в его голову леди Валерия. Мерный плеск невысоких волн не позволял ему расслышать слов, но он догадывался, что Кирби обсуждает какие-то вопросы, связанные с высадкой на берег и разгрузкой корабля.

Неожиданно Кирби Зорган оторвал спину от рубки и задрал голову вверх.

– Лорд Кай, – его мягкий баритон заставил Харкаана вздрогнуть, – садитесь в лодку. Давайте я помогу вам. Вот, здесь, в броне, есть выемки для спуска.

Следуя его советам, Кай спустился вниз и остановился в полуметре от борта подошедшего вплотную к субмарине ялика. К его удивлению, в лодчонке оказались два продолговатых цилиндрических предмета, явно выгруженные с загадочной подлодки. По всей вероятности, люди Кирби успели незаметно для Кая вскрыть какой-то люк и подготовить груз для отправки его на сушу.

– Наш рейс уже закончен, – продолжал Кирби, – и Валерия присоединится к вам буквально через пару минут. Прыгайте в шлюпку, Беппо доставит вас без всяких приключений.

– Благодарю за любезность, – буркнул Кай, неуклюже сваливаясь на дно четырехвесельного суденышка.

Шлюпка отошла от борта субмарины сразу же, как только он встал на ноги и устроился на пустовавшей носовой банке. В ней, помимо Кая, находились трое: два человека гребли, третий сидел на корме с румпелем. Хотя темнота не была ему помехой, лиц загадочных гребцов

Кай разглядеть не сумел – вся троица была плотно закутана в темные непромокаемые плащи с глубоко нахлобученными капюшонами, – лишь один раз ему показалось, что в свете луны странным зеленым светом блеснули глаза рулевого.

Подгоняемый сильными взмахами весел, ялик резво преодолел расстояние, отделявшее его от берега, и вскоре ткнулся носом в песок пляжа. Под форштевнем прошуршала галька; рулевой спрыгнул в воду, обошел свое судно и сильным рывком могучих рук наполовину вытащил его на сушу. Не дожидаясь приглашения, Кай выбрался на песок и прошелся, разминая чуть затекшие ноги.

С гребня ближайшего холма посыпались камешки. Подняв голову, Харкаан увидел четверых мужчин в таких же рыбацких плащах, как у остальных, но на сей раз – без капюшонов. Не произнося ни слова, они выгрузили из лодки довольно тяжелые, как успел понять Кай, контейнеры и двинулись в сторону освещенного дома.

– Следуйте за ними, – негромко приказал Каю рулевой.

Когда перевалили через гребень невысокого холма, Кай остановился и достал из кармана свой портсигар и зажигалку.

«Не так уж все и плохо, – сказал он себе, – хотя, конечно, ничем хорошим пока не пахнет. Ясно, старуха рада тому, что я свалился ей прямо на голову. То, что она почти ничем не выразила своего изумления, еще ни о чем не говорит – у нее было время наудивляться всласть. Но интересно, что она-то здесь делает? Кто бы мог подумать...»

Он раскурил сигарету и двинулся к дому. Вблизи строение оказалось более древним, чем он думал вначале, – настоящий замок владетельного сеньора, увитый до третьего этажа цветущим вьюном, немного замшелый понизу, прочный и солидный. В таком при желании можно было выдержать небольшую осаду. Выстроенный в итальянской манере, дом имел внутренний двор, в который вела полукруглая арка с коваными воротами, сейчас настезь открытыми. Люди с контейнерами исчезли во тьме двора, и Кай завертел головой, размышляя, стоит ли ему сразу входить в дом через освещенный парадный вход, но никакого решения принять не успел – застекленные двери бесшумно отворились, и навстречу ему шагнула хрупкая молодая девушка в цветастом летнем платье, сшитом по предвоенной моде.

– Лорд Кай? – полувопросительно-полуутвердительно проговорила она.

– Да, это я. Здравствуйте. Неплохая сегодня луна, не правда ли?

Девушка никак не отреагировала на его «заход».

– Меня зовут Нора. Идемте в дом, вам следует переодеться,

Кай не стал упражняться в красноречии. В холле его ждал объемистый саквояж, набитый новенькими мужскими костюмами и сорочками. Извинившись, Нора резво убежала наверх, чтобы вернуться с несколькими коробками обуви. На всей одежде стояли метки итальянских фабрикантов, и это навело Кая на некоторые умозаключения. Поразмыслив, он выбрал для себя довольно легкомысленный светлый костюм и коричневый галстук. Нора без лишних просьб помогла ему стащить с себя окровавленный и разодранный полетный комбинезон и тотчас же унесла его куда-то. Одевшись, Кай неторопливо и со вкусом завязал галстук, набросил на плечи пиджак и опустился в стоявшее у горящего камина кресло. На каминной полке обнаружилась коробка несусветно дорогих кубинских сигар, вызвавших у Кая восхищенный свист. Он не удержался от искушения и взял одну.

У входа в дом раздались приглушенные голоса. Первой в холл вошла Валерия, за ней двигался Лок Зорган с каким-то явно чужеродным серебристым чемоданчиком в руке. Следом за младшим вошел и старший брат.

– Вас просто не узнать, – приветствовал он вставшего из кресла Кая. – Я полагаю, Нора все сделала как надо? Потерпите еще пару минут, и мы будем завтракать.

Кай бесстрастно поклонился в ответ и вернулся в кресло, наслаждаясь ароматом сигары. Он думал о том, что единственно нормальной реакцией на события последнего времени был

бы шок, – но, странное дело, ничего похожего он не ощущал. Было интересно, и не более того. О том, что появление лойта вдруг завершило определенный период его жизни, для того чтобы начать новый, не сулящий пока ничего хорошего, он не думал. Впереди было время на осмысление, и Каю не хотелось торопиться.

Хозяева появились раньше, чем сигара дотлела до половины. Лок и Кирби несли в руках какие-то судки, а вслед за ними по лестнице спускалась Нора с двумя прикрытыми салфетками подносами. Ловко опустив их на большой круглый стол, стоявший посреди холла, девушка почти бегом умчалась наверх, чтобы через минуту вернуться в сопровождении еще одной девушки, тоже с подносами.

Вскоре по лестнице спустилась и Валерия с целой стопкой тарелок и охачкой вилок. Кай наблюдал за суетливой сервировкой с полнейшим равнодушием.

– Садись к столу, Кай, – позвала Валерия, закончив расставлять тарелки.

Она села за стол первой, и Кай с трудом сдержался, чтобы не нахмуриться: в его присутствии она не смела сесть раньше его, и никакие обстоятельства на свете не могли этого изменить.

– А вы порядочные гурманы, господа, – заметил Харкаан, обзрев судки.

– Извините, – вдруг смутился Лок, – мы... мы никак не можем насытиться.

– Скорее нажраться, – буркнул Кирби, – но что делать. Интересно, где там Нора с бокалами?

На младшем Зоргане было темно-красное шелковое платье, и Кай не без удивления заметил стройные ноги, мелькнувшие в разрезе юбки, и небольшую, но вполне женственную грудь под небольшим декольте. Лок был загадкой; впрочем, Кай не имел понятия о размерах мутаций, которые начались после Большого Взрыва.

Нора принесла бокалы и пару бутылок вина. Кирби умело распечатал бутылку бордо и разлил его по бокалам.

– За ваше чудесное спасение, лорд Кай! – провозгласил он.

– Да уж, – охотно согласился Кай. – Иначе как чудом это и не назовешь. Леди Валерия, вероятно, была немало удивлена моим появлением?

Женщина вздрогнула и отложила вилку.

– Да, – кивнула она. – С этого момента моя миссия не кажется мне столь невыполнимой, как прежде.

– Это если мы договоримся, – ответил Кай с самой змеиной улыбкой, на которую был способен. – Только так, дорогая, и никак иначе. Пока же я не слышал сколько-нибудь дельных предложений. При этом – учти: я знаю, зачем я тебе нужен.

Валерия посмотрела на него с неподдельным ужасом.

– Да-да-да, – закивал Кай, наслаждаясь триумфом, – или ты думаешь, что меня, лорда Кая Харкаана, мог свалить вам на голову простой сапожник из английских ВВС? Разумеется, это был лойт, и я почуял его приближение за несколько часов до вылета – именно поэтому я прихватил с собой свое оружие и свои реликвии – кстати, я могу надеяться, что увижу их снова?

Оба Зоргана начали бледнеть, явно сраженные его тоном. Ему сразу показалось, что странноватое семейство находится под сильным влиянием леди Валерии – теперь он в этом убедился. Скорее всего им она тоже чего-то наобещала. О, обещать она умеет...

– Давай попробуем обойтись без ненужных уверток, – выдохнула Валерия, переходя на свой родной язык, – мы не первый день друг друга знаем.

– Вот именно...

– И все же. Да, именно прибытие Сына Тьмы явилось причиной моего появления здесь. Если хочешь, это была миссия отчаяния. Мы сразу засекли наличие постоянного хронокоридора братьев Зорган и легко вышли на его пользователей...

– Прости, я вынужден тебя перебить. Мне очень любопытно, из какой именно эпохи изволили прибыть эти господа?

– Ты не поверишь. Рассуждения Декмара о том, что наша плоскость является замыкающей для всей параллели, блестяще подтвердились в последние годы. Как ты понимаешь, никто из официальных представителей имперской науки не мог экспериментально опровергнуть эти тезисы, но в конце концов удалось вплотную подойти к гладкому теоретическому обоснованию проблемы. Зорганы – из нашего времени. Потому что впереди, как говорил Декмар, ничего нет. Будущее мы строим сами.

– Ага, – куснул губу Кай. – Это просто замечательно. Но вот что любопытно: откуда они-то раздобыли хронотранспорт? Они, обитатели планеты, наглухо оторванной от всей галактической торговли? Или они сумели на ровном месте изобрести то, что не могут не то что создать, а просто понять все наши яйцеголовые мужи?

– Интересно, почему ты не спрашиваешь, откуда он оказался у меня?

Кай махнул рукой и залпом допил свой бокал. Лок и Кирби, не понимавшие в быстром разговоре ни единого слова, озадаченно жевали.

– Зачем мне это нужно, Валерия? Я и так могу догадаться. Твоя лавочка, которая громче всех кричала о том, что Саргон позволяет себе слишком, ну просто слишком много, потихоньку контактирует с теми или иными торговыми кланами. Хронотранс вам могли продать или минги, или сарпаны – но, разорви меня бездна, кто мог продать им?

– Они купили у мингов, но странно то, что минги сами ничего не знали о происхождении этого товара. Фактически этим людям сбыли то, что нельзя было сбыть никому. У них очень странный механизм, Кай. Он создает постоянный, замкнутый коридор. Они хотели попасть в более раннюю эпоху, а попали в тридцать пятый год – и коридор поплыл вместе с ними. Они не могут опуститься вниз по оси времени, они должны жить как бы в двух параллелях.

– Ого. Получается, время для них вовсе не относительно?

– Получается. Это ты мог вернуться куда угодно и сколько угодно раз прожить один и тот же счастливый день, не опасаясь перевернуть всю плоскость. Они – нет.

– Я не мог, Валерия. У меня был сарпанский, одноразовый – и три патрона к нему. На что-то более серьезное у меня не было денег. Но, с другой стороны, у них должна быть могучая машина – моя игрушка просто не способна прошвырнуть через века такую громадину, как эта подлодка. У моей еле хватило энергии на мой личный звездоплан. Но вы... откуда вам известно о лойте в этой системе?

– Мы узнали о появлении здесь Сына Тьмы три года назад. Дальний разведчик засек его продвижение, и Служба немедленно поставила вопрос о противодействии.

Кай скептически хмыкнул.

– Даже мы – а для нас, как ты знаешь, эта тварь вовсе не мифический Сын Тьмы, а самый что ни на есть элементарный лойт, древнейшее разумное создание во Вселенной – даже мы не стали бы рассуждать так самонадеянно. Противодействовать – как? Матка инцистируется сразу после того, как ее покинут ростки воплощения. Обнаружить ее можно только в движении. Когда она спит, ее не разглядит ни один охотник. Что дальше?

– Кай, они входят в людей – и тогда ты чуешь...

– Повторяю, что дальше? Одного я вот учуял. Как я могу сражаться с формой жизни, которая в тысячу раз совершеннее меня? К тому же они не входят. Они воплощаются. Человек погибает, а лойт становится его сущностью – при этом носитель приобретает новые, совершенно не свойственные ему возможности.. Более того, со временем от тела носителя не остается практически ничего, кроме внешней оболочки. А лойт, как ты сама знаешь, может воплотиться в любую форму жизни.

– Давай лучше поедим, – резко прервала его Валерия. – Мы смущаем хозяев.

Глава 5

– Итак, – Кай отставил в сторону пустую тарелку и заговорил на языке, понятном братьям, – мне хотелось бы получить ответы на целый ряд вопросов – без этих ответов наше сотрудничество не представляется мне возможным.

– Да-да, мы слушаем вас, – поспешно отозвался Кирби Зорган. – Мы ответим на любые ваши вопросы.

Кай с треском размял пальцы и вытащил сигару из принесенной Валерией коробки.

– Во-первых, – начал он, окутавшись клубом ароматного дыма, – мне хотелось бы знать, какую, э-э-э... организацию вы представляете в данный момент.

Кирби неожиданно потупился, и Валерия поспешила ответить за него:

– Видишь ли, Кай, они представляют не организацию. Они, если хочешь, представляют преступный клан. Это порождение эпохи, ты поймешь...

– Мы живем в мире, который совершенно отчетливо разделен на два этажа, – скрипуче заговорил Кирби, – внизу находятся те, кто не имеет даже тени шанса выжить в условиях, которые им навязаны. Вверху – те, кто эти условия диктует. Да, для них мы – преступники. Нас ждет страшная кара. Если, – он негромко хихикнул и потянулся за сигарой, – если они смогут до нас добраться.

– Ага, – начал понимать Кай, – и вы удрали сюда?

– Мы не удрали, – вмешался Лок, – мы делаем то, что дает нам шанс. Нам и нашим друзьям. Мы торгуем.

– Оп-па! Как славно. Я полагаю, что сия милая торговля идет лишь в одном направлении? Или вам не объяснили последствий двухсторонних, скажем так, торговых отношений?

– Разумеется. Мы поставляем товар только туда, – палец Кирби взлетел под потолок. – Этот товар – спасение.

– Род товара?

– Это... это биоматериал. – Кирби запнулся и усиленно задымил сигарой. – Это биоматериал, – повторил он сквозь облако дыма, – но, поверьте, мы не занимаемся убийствами. Все гораздо прозаичнее. Идет война...

– Я не думал, что Земля так пострадала, – ошарашенно понял Кай. – Наследственность? Боже...

Он мельком посмотрел на Лока и поспешил наполнить свой бокал.

– Я ношу признаки обоих полов, – спокойно ответил Зорган-младший, – и способен к физиологической стороне межполовых отношений в любой роли. Но детей у меня быть не может. Это бывает... редко, но бывает. Сейчас мне удобнее чувствовать себя женщиной – вот и все. Когда я захочу превратиться в мужчину, я предупрежу вас заранее.

Кай поперхнулся и едва не уронил свой бокал.

– Великая Бездна! Я не хотел сказать ничего обидного! Если вам будет угодно принять мои извинения...

– Вы меня не обидели. – Лок посмотрел на него с искренним недоумением. – Чем может быть обидна простая констатация факта?

– То, что мы сейчас ели, абсолютно недоступно даже для самых высших, – Кирби помедлил, в голосе вновь скользнула горечь, – аристократов. У нас их называют по-другому. Вы понимаете меня? Для нас важна даже кровь – обычная, здоровая кровь. А здесь можно найти все! Все, вы понимаете? Здесь можно найти надежду!

– Да, я понимаю. Я не думал, что Земля пострадала до такой степени. Я не думал, что ее жители стоят на грани вымирания. Вы ведь это хотели сказать? Да, я вас хорошо понимаю.

Мои предки покинули планету незадолго до Большого Взрыва – тогда, когда стало ясно, что он неизбежен.

– Валерия рассказывала нам...

– Я готов поклясться, что она рассказала не все. Я тоже мутант. Колонизация Саргона была ошибкой, но мои предки поняли это слишком поздно. Наше светило дает поток тонких энергий, которые исподволь, поколение за поколением, меняют людей. Нет, мы мало меняемся в физическом плане, разве что становимся более выносливыми – но мы обретаем способности к прочтению информационно-энергетических линий, которые пронизывают Вселенную. Правда, эти способности проявляются по-разному. Я родился охотником, я могу и умею чувствовать приближение некоторых противников человечества, странных порождений Бездны, которые невидимы ни для глаза, ни для самых совершенных приборов. Валерия говорила вам, что у человечества нет друзей? Есть враги и невраги. Но невраг – еще не значит друг, верно?

– То, что вы называете лойтом, – враг?

– Это не просто враг. Это гораздо страшнее.

– Что это значит?

Кай глубоко затаился и нахмурил брови, пытаясь подобрать нужное определение в новом для него языке. Слова путались, и он с досадой подумал, что внятно объяснить хозяевам, с чем им придется иметь дело, ему вряд ли удастся.

– Лойт живет вне времени, – начал он. – Мы не в состоянии понять, как он вообще воспринимает время. В пространстве матка может перемещаться со скоростью хорошего саргонского звездолета, а вот во времени... Ну, грубо говоря, так: подвижная матка способна на мгновенные перемещения вверх-вниз по оси. Пределы перемещений нам не известны.

– Что значит «подвижная матка»?

– Матка лойта – живое существо. Некоторые, впрочем, считают ее квазиживым, чем-то вроде самовосстанавливающегося киборга – хотя, конечно, единого мнения по этому вопросу не существует даже среди признанных авторитетов. В процессе перемещений она видима – для таких, как я, и очень сложных приборов – и уязвима. Но стоит ей прибыть на место и выпустить в пространство отростки-воплощения – некоторые считают их симбионтами, некоторые – создателями матки, – как она тотчас же самокапсулируется и становится невидимой, даже для моих братьев-охотников. Вопрос ее уязвимости в инцистированном состоянии дискутируется среди охотников на протяжении нескольких столетий. Ясности здесь пока нет. Следует понять вот что: лойт абсолютно враждебен человечеству. В принципе, он враждебен всему живому во Вселенной, но его враждебность является скрытой. Похоже на то, что мы все для него просто не существуем. Лойты, путешествующие по безднам космоса, нередко «творят историю» тех или иных миров. В свободных для пользования галактических архивах хранятся несколько совершенно жутких свидетельств о хронокатаклизмах, причиной которых было вмешательство лойтов. В кругах саргонских авторитетов существует мнение, что катастрофа, вызвавшая когда-то оледенение и гибель древнейших человеческих цивилизаций, также является следствием хронокатаклизма, вызванного, естественно, действиями лойта. Оледенение, несомненно, отбросило человечество на тысячелетия назад. Зачем это было нужно – кто знает?

Кирби Зорган нервно затаивался, выпуская дым через ноздри. Не освоившийся еще в новом для него языке Кай старался говорить медленно и как можно более внятно – но тем не менее видел, что далеко не все из сказанного им доходит до сознания хозяев особняка. Вряд ли они были тупицами, нет. Но столетия, слишком разные для двух ветвей человеческой цивилизации, сделали свое дело. Они, коренные обитатели Земли, навсегда похоронили саму идею о выходе в космос, оставив вместе с нею и весь тот пугающий своим величием мир, который Кай привык именовать Бездной. Грандиозность горизонта событий, безумный вихрь информации, с детства впитанные Каем, были совершенно чуждыми для них, переживших глобальную, пла-

нетарного масштаба катастрофу, которая поставила перед выжившими задачи куда более приземленные и прагматичные: они умирали, но они так хотели жить!

Кай вдруг почувствовал себя беспомощным и опустошенным. Даже Валерия наверняка не понимала истинных масштабов опасности. Что такое время – не знает никто, и пусть споры о его природе не стихают уже не первое тысячелетие, все знают точно: шутить с ним нельзя. Глобальное изменение исторической линии, наверняка осуществляемое сейчас лойтом, может привести к катаклизму, способному смешать все, происходящее в данной плоскости. А может быть, даже и перемешать ее с остальными... Сумасшедший хронофизик Декмар, знаменитый своими бредовыми гипотезами, безапелляционно заявлял о существовании бесконечности внепространственных плоскостей, «висящих» в сфере влияния конкретного гравитационного поля. Где именно они висят, не мог сказать даже он.

По Декмару выходило, что существует бесчисленное множество тех же Саргонов, различающихся своей историей и самой сутью своего существования. Значительный хронокатаклизм, вызванный какими-либо внешними событиями, сильно отклоняющими уже состоявшуюся историческую ось, мог якобы нарушить стройность системы плоскостей и странным образом перемешать их, превратив планету или даже систему в нечто, не поддающееся разумению.

Бредни Декмара были опубликованы задолго до того, как человечество, и в первую очередь Саргон, добилось права использования открытых галактических хранилищ информации. Любопытствующие, окунувшись в это поистине безбрежное море чудес, вдруг с ужасом обнаружили прямые свидетельства блестящей правоты задвинутого гения. Что такое лойт, на Саргоне уже знали...

– Вы хотите сказать, что мотивация этого лойта совершенно не поддается какому-либо анализу? – неожиданно спросил Лок.

Кай не удержался от усмешки.

– Бездну населяет немало существ, чья мотивация абсолютно недоступна для человеческого разума. Нам приходится сражаться, и эта битва идёт не первое столетие. Но лойт – это нечто особенное. Мне известен один случай уничтожения движущейся матки человеческим кораблем. По сути, это было нетрудно. Но кто знает, что случится в следующий раз?

– Ты говоришь с такой отрешенностью, словно тебя уже ничто не касается! – не выдержала Валерия. – Как будто ты не представляешь уровень опасности, которая нависла над всеми нами.

– Ну, во-первых, конкретизировать эту опасность пока не в состоянии даже лучшие теоретики Саргона, – скривился в ответ Кай, – а во-вторых, я что, уже нахожусь на службе у его императорского величества?

– Можешь считать, что так.

– Следовательно, я мобилизован. Замечательно. А что же тот заочный приговор, который висит над моей многострадальной шеей в течение двенадцати лет?

Валерия скрипнула зубами. Кай откровенно смеялся над нею, наслаждаясь своей властью в сложившейся ситуации. Он не оставлял ей и тени шанса выйти из боя победительницей.

– Ты можешь считать его отменным.

– Ладно, Бездна с вашей плотью... – махнул рукой Харкаан, поудобнее устраиваясь на своем высоченном старинном стуле. – Будем говорить серьезно. Я давно уже не мальчик, чтобы играть в прятки. Действительно, опасность чрезвычайно велика, и тот факт, что проклятушая тварь находится здесь не первый месяц, говорит о том, что осуществляемая ею программа и в самом деле носит глобальный характер. Это меня не радует. Скажи-ка, Лери, ты уже заметила какие-либо проявления его деятельности?

– Пока нет, Кай. Но присутствие воплощений в войсках воюющих сторон говорит о многом.

– Скорее наводит на определенные мысли. История знает факты изменения оси путем личностного вмешательства – разумеется, речь идет о вмешательстве воплощений, повлиявших на те или иные ключевые события истории. Лойт действует по-разному, но всегда – странно... гм. Нам не известно, каким образом воплощения поддерживают связь друг с другом и какую роль тут играет матка.

– Эти воплощения – они имеют какое-то подобие собственного тела? – поинтересовался Кирби Зорган.

– И да, и нет. Это полевая форма жизни. Они невидимы для человеческого глаза и могут быть обнаружены либо человеком-«охотником», либо специальным прибором. Этого прибора у меня нет. У леди Валерии, безусловно, тоже: Служба не располагает подобными разработками.

– Да уж, – скривилась та. – Саргон не очень-то делится с метрополией своим могуществом.

– Я не собираюсь обсуждать политические вопросы, – в тон ей парировал Кай, – по крайней мере сейчас. Боюсь, что нашим друзьям они будут неинтересны.

– Нам интересно все, – покачал головой Кирби, – вы просто не представляете себе, в каком мире нам приходится жить. Точнее, выживать.

– И все же, – отрезал Кай, – не сейчас. Если мы всерьез собрались бороться с лойтом, нам придется запастись терпением. То, что он делает, рассчитано не на один день. И мы сможем вступить в бой только тогда, когда станут заметны его первые проявления... Только так, и никак иначе.

– Хорошо. – Кирби устало потянулся и загасил в пепельнице окурочек своей сигары. – Через пару часов Локу придется кое-куда съездить – мне хотелось бы, чтобы вы составили ему компанию. Вы умеете водить автомобиль?

– Даже самолет.

– Это мы видели. Ну, ладно... Я пойду отдыхать. Лок позовет вас.

* * *

– Вот, – младший Зорган протянул ему итальянский паспорт, – ваши документы. Вы – инженер Марио Перелли, житель города Турина. Учтите, что в районе Пескары могут встретиться патрули. Вы разбираетесь в отличительных знаках итальянских военных? Если нас остановят, разговаривать с патрулем придется вам.

– Вполне, – кивнул Кай.

– Тогда вперед.

– Мы едем в Пескару? – спросил Харкаан, усаживаясь за руль почти новенькой серой «Лянчи», которую кто-то уже подогнал к самому дому.

– Да, – ответил Лок, – я покажу дорогу.

На нем была легкая блузка, длинная юбка с разрезом сзади и нелепого вида дамская шляпка. Кай запустил двигатель и мельком глянул на обильно накрашенное лицо своего спутника. Непонятно отчего ему вдруг стало смешно, но он постарался скрыть свою ухмылку и с предельно серьезным видом вырулил на петляющую меж холмов грунтовую дорогу. «Лянча» показалась ему куда мягче, чем привычный старенький «Вандерер», на котором он ездил в Германии. Эти одиннадцать лет так и не научили его мириться с неизбежной тупостью и ненадежностью автомобилей. По большому счету, он предпочел бы ездить на американском «Паккарде» или хотя бы на «Мерседесе», но откуда у простого пилота могли взяться деньги на роскошный автомобиль? В гитлеровской Германии каждый должен был знать свое место. В конце концов Кай научился плевать на весь окружающий его мир, не обращая внимания на бесконечные условности, сбежать от которых было невозможно.

По правую руку мелькнули желтые домики нескольких рыбацких деревушек, и Кай, следуя указаниям Зоргана, свернул на узкое асфальтированное шоссе.

– Теперь все время прямо, – сказал Лок, – эта дорога ведет в Пескару.

– Нас там ждут? – осведомился Кай.

– Да, нужно забрать очередную порцию товара. Кирби не желает раскрывать этим людям наше местоположение. Он им не совсем доверяет. Они работают в основном в Таранто, а встречаемся мы или в Пескаре или, реже, в Бари.

– Этим людям?..

– Тем, кто собирает для нас товар. Они не из нашего клана, нам навязал их Лизмор. За это он помогает нашим людям там, – Лок поднял палец, – это очень могущественный человек. Он работает в Германии и Северной Европе... Ну, у него совсем другие масштабы. И товар в основном тоже другой. Хотя и нашим он не брезгует.

– То есть, если я правильно понял, хронотранс у вас общий?

– Да. Просто у нас разные модули и мы можем работать независимо друг от друга. Но коридор, конечно, общий.

Лок повернулся и достал с заднего сиденья небольшую дамскую сумочку.

– Будешь курить? – спросил он.

– Угу...

Сунув в рот сигарету, Кай вытащил из кармана пиджака свою неизменную зажигалку, чиркнул колесиком и заметил, пряча ее на место:

– Дороги здесь гораздо хуже, чем в Германии. Это я понял еще тогда, когда меня везли из Рима в Мессину.

– У нас нет вообще никаких дорог, – буркнул в ответ Зорган. – Мы живем в грязных многоуровневых Городах и питаемся водорослями. Те, что наиболее богаты белками, идут грандам. Остальные – низким. Большинство детей погибает в первые дни жизни. Интересно, а как жил ты? – Лок повернулся к Харкаану и выжидательно забарабанил пальцами по металлу передней панели.

– Я? Хм...

Не отрывая глаз от летящей под колеса серой полосы асфальта, Кай на секунду забылся... перед глазами встали бескрайние буро-зеленые леса, снег, голубовато сверкающий в золотых лучах солнца, синие прогалины упрятанных в чаще озер. Пряная прохлада осени, бронзовые кляксы листьев, усеявшие черный мрамор ступеней, ведущих к высоким алым дверям его дома. Когда он последний раз был у матери, стояла тихая, сводящая его с ума пора умирания природы, пора, когда могучие леса облетают оранжевым и бронзовым покровом, готовясь к недолгой, но суровой зиме с ее ледяными ветрами и многодневными метелями.

– Я родился в высоких широтах, – сказал он. – Замок моего отца стоял на большом холме посреди девственных лесов, которые тянулись на много-много километров. Наши ближайшие соседи жили в пяти минутах полета от нас. До ближайшего города нужно было лететь почти полчаса. Там, где я жил, была холодная зима и жаркое лето. Зимой было много снега, и я очень любил заезжать в лес на снегоходе. Мои родители не боялись – они с детства знали, что я не смогу потеряться. А обращаться с оружием меня учили чуть ли не с младенчества. Мой отец был очень воинственным человеком.

– Ты боялся бандитов?

– Бандитов? – Кай захохотал и в восторге ударил ладонью по рулю. – Нет, что ты. Просто в лесах встречались дикие звери. Леса стояли совершенно нетронутыми – нас, людей, на Саргоне не так уж и много. Большинство жителей планеты уходят в космос, и если и возвращаются, то уже в достаточно зрелом возрасте. К тому же у нас не принято иметь много детей.

– Валерия неохотно рассказывала нам о твоей планете.

– Да, потому что Саргон недолюбливает власть императора и слишком независим. В созвездии человеческих миров Саргон играет особую роль. Мой мир поставляет лучших воинов и лучших ученых. А впрочем, саргонцы вообще своеобразная публика: зачастую невозможно разобраться, кто из них воин, а кто ученый. Например, мой наставник Новарра был не только прекрасным пилотом, но и известным авторитетом среди исследователей Темных Рас. О негуманоидных формах жизни он знал больше, чем лучшие императорские советники. А Валерия... Она – офицер секретной службы, которая без конца плетет всевозможные интриги в отношении Саргона и в особенности тех его воинов, которые обладают паранормальными способностями. Мутантов, если хочешь. Все эти люди собраны в подразделение под названием Седьмая Звезда Саргона – когда-то среди них сражался и я.

– Вам часто приходится воевать? Но с кем? – Зорган-младший нахмурил лоб, пытаясь понять смысл рассуждений Кая.

– Мы воюем постоянно, Лок. Там, в Бездне, у человечества слишком много врагов. Мы живем в довольно-таки милитаризованном обществе. Мне есть с кем сравнивать, и я знаю, о чем говорю. Только недавно император Салазар Бесконечный снял запрет на межзвездную торговлю – ты не представляешь себе, насколько дорого обошлась человечеству глупость и косность его предшественников, которые вообще не позволяли людям вступать в контакты с расами торговцев. А Саргон торговал и раньше, несмотря на все запреты. Поэтому мы слишком далеко ушли вперед, и метрополии вместе с покорными мирами нас уже не догнать. Естественно, это вызывает ярость у лояльных императорских подданных: с одной стороны, без нас никак нельзя, с другой – мы слишком, по их мнению, горды и заносчивы. К тому же среди нас попадаются мутанты, которые внушают ужас и отвращение. К сожалению, человеку свойственно недолюбливать тех, кто хоть в чем-то лучше его.

Кай замолчал. Лок, задумчиво покачивая головой, глядел в окно на насыпь идущей вдоль побережья железной дороги. Харкаан прекрасно видел, что ему многое непонятно. Между ними лежала пропасть, которая могла стать непреодолимой.

Наверное, объяснить все это сегодняшнему землянину было бы гораздо проще, подумал он. Тому же Больту, к примеру. Вот интересно: получается, что мы, забравшиеся в глубины космоса и познавшие массу неведомых ранее истин, в гораздо меньшей степени ушли от нормальной человеческой природы, чем они, пережившие сокрушительную катастрофу Большого Взрыва. Жалкие остатки человечества, поставленные на грань выживания, за столетия отчаянной борьбы растеряли самый дух человека – тот дух, что толкал его на вечный поиск, гнал через невообразимые ледяные дали пространства...

Вспомнив о Больте, Кай горестно вздохнул. Обаятельный гауптман, к которому он уже успел привязаться, остался на другом берегу Средиземного моря, и кто знает, суждено ли им будет встретиться еще раз? Общество умного пьянчуги казалось Каю куда более предпочтительным, нежели та странная компания, в которую он попал. От леди Валерии не стоило ждать ничего, кроме неприятностей. Сейчас, пока он ей нужен, она вполне терпима – а потом? Фанатично преданная императорской семье, она убьет его без малейшего сомнения. Здесь, на Земле, в его защиту не поднимется ни одна живая душа.

Погруженный в невеселые мысли, он едва не проскочил правый поворот на Пескару.

Небольшой городок был типичной для Средней Италии захолустной дырой на берегу сонного Адриатического моря: узенькие улочки, мощенные еще во времена австрийского владычества, желтые каменные дома и домики, ветхие вывески тракторий, пекарен и магазинчиков. Во дворах сушились рыбацьи сети, орали шумные ватаги чернявых ребятишек, поперек узких, как кишка, переулков висели застиранные простыни. В одной из таких нор, мощенной истертой ногами десятков поколений брусчаткой, Лок приказал остановиться.

– Подожди меня здесь, – бросил он, выбираясь из «Лянчи».

Кай флегматично пожал плечами и заглушил двигатель – Лок уверенно толкнул рассохшуюся дверь в облупленной и едва ли не косой стене двухэтажного дома с нависавшими над улочкой балконами и скрылся в темноте подъезда.

Проводив его взглядом, Кай достал из кармана свой портсигар, раскурил сигарету и откинулся на спинку сиденья, выставив локоть в открытое окошко двери.

– Синьор, – пискляво заголосил кто-то под самым его ухом, – дайте лиру! Дайте мне лиру, благородный синьор!

– А что еще? – невозмутимо осведомился Кай, рассматривая чумазого мальчишку, повисшего на подножке автомобиля. – Может, доллар?

Юный патриций явно не имел понятия о том, что это такое, но отставать от хорошо одетого синьора в новенькой и недешевой машине ему явно не хотелось.

– Дайте мне лиру, синьор! – продолжал он свой скулеж. – Нас у матери пятеро детей, а мой дорогой папочка утоп третьего дня...

– Луиджи! – опровергая его, загремел со второго этажа хриловатый испитой бас. – Сейчас я надеру тебе задницу, и тогда-то ты будешь знать, как хоронить собственного отца раньше срока! А ну, беги в трагторию к дядюшке Марио и попроси его налить мне кувшин вина. Пошел, негодяй!

Сморщившись, словно его заставили проглотить жабу, наследник славных римлян опустил кудрявую голову и неторопливо потрусил за угол. Кай хмыкнул и попытался представить себе подобную картину в Германии. Не выходило. Италия начинала ему нравиться. Следовало бы, кстати, проверить недавнее утверждение Больта, что прекрасное местное вино можно было купить здесь меньше чем по рейхсмарке за литр, – но у него не было наличных, да и о курсе он не имел ни малейшего понятия.

Некая почтенная матрона, вид которой внушил Каю изрядные опасения за целостность балкончика, на который она выскочила, взмахнула принесенной с собой ковровой (когда-то ковровой!) дорожкой и обрушила на крышу «Лянчи» целую гору пыли. Кай чихнул и открыл было рот, чтобы высказать досточтимой синьоре свое недоумение, но тут хрустнула деревом по камню давешняя дверь, и в переулке появился Лок в сопровождении черноволосого и явно перебравшего молодого человека, который тащил огромный, изрядно пошарпанный чемодан со сбитыми стальными уголками. Харкаан поспешно всунул голову обратно в салон и потянулся назад, чтобы открыть заднюю дверь – тесный багажник автомобиля был совершенно не способен принять в себя такое чудовище.

– Давай, давай, – подбодрил его чем-то разозленный Лок.

Его носильщик, посверкивая остекленелыми глазками, торопливо впихнул чемоданище на задний диван и ретировался. Лок захлопнул дверь, погрузился вперед и произнес, раздраженно оправляя на себе блузку:

– С этими людьми очень трудно работать... пребывание здесь слишком поправило их здоровье.

– Что-то случилось? – поинтересовался Кай.

– Да как тебе сказать. Мне не стоит сюда ездить. Они сильно пьют и, напившись, стремятся задрать буквально каждую юбку.

Кай не смог удержаться от хохота. Лок посмотрел на него с явным неудовольствием.

– Прости, – сказал Кай, отсмеявшись, – это было невежливо с моей стороны. Но, коли дело обстоит именно так, оденься мужчиной – и вся недолга!

– Они что, первый раз меня видят? – фыркнул в ответ Лок. – И потом, чего ради? Сейчас мне так удобнее...

Он кокетливо закинул ногу за ногу, обнажив узкую щиколотку, затянутую в черный американский чулок, и отвернулся к окну. Кай незаметно дернул плечом. Отвечать что-либо не хотелось, лучше было промолчать.

Через несколько минут Кай затормозил у выцветшей вывески небольшой трагтории. Лок недоуменно поднял голову:

– Что тебе здесь надо?

– У тебя есть наличные?

– Есть... немного. Тебе что-то понадобилось?

– Мне хочется попробовать местного вина. Один мой приятель клялся, что даже самые дешевые итальянские сорта стоят того, чтобы их попробовать.

Лок мягко рассмеялся и неожиданно провел тонкой ладонью по волосам Кая:

– Не городи ерунды, поехали. У нас есть любые вина, Кирби очень ревностно следит за тем, чтобы погреба не опустошались.

Станный жест несколько смутил Кая, и он безропотно отпустил педаль сцепления, трогаясь дальше. Гром и молния, подумал он по-немецки, он что, надумал строить мне глазки? Вот это была бы штука!.. Нет-нет-нет, пожалуйста... женщин у меня был легион, но для меня-то он пока – мужчина! А может, все-таки не «он», а «оно»?

Кай озадаченно пожевал губами и решил закурить. Взгляд Лока, незаметный за пушистыми черными ресницами, пытливо скользил по его лицу, но Харкаан, помимо собственной воли, не позволил недоумению отразиться на своей физиономии.

– Зачем я вам здесь понадобился? – спросил он, прикурив сигарету.

– Этим людям нельзя особенно доверять, – безразлично ответил Лок. – А сейчас у нас мало свободных ребят. Лодка ушла в Александрию – фактически сейчас нас всего пятеро, не считая Норы. Кирби занят с Маком, а отпускать меня с женщинами он не любит.

– Этот товар представляет собой большую ценность?

Лок ответил не сразу. Несколько секунд он, казалось, размышлял над ответом, потом принял решение:

– Давай поговорим об этом потом, хорошо? Я... мне не хотелось бы рассуждать на эту тему в отсутствие Кирби.

– Хорошо, – согласился Кай. – Как скажешь. Но вообще учти: я не люблю дурацких тайн – нам предстоит работать вместе, может быть, эта работа растянется на долгий период, и я хочу быть уверен в своих партнерах.

Зорган неожиданно покраснел. Не сказав Каю ни слова, он повернулся к окну и запыхтел своей сигаретой. Кай так и не смог понять, обиделся он или смутился.

Они молчали весь обратный путь. Кай бездумно вел машину, стараясь не напрягать свои многострадальные мозги, Лок застывшими глазами смотрел в окно – Кай готов был поклясться, что он не видит пролетающей мимо него картинки.

Когда, свернув с асфальтированного шоссе, «Лянча» помчалась по мягкой желтой пыли грунтовок, он ненадолго оторвался от окна и бросил на Кая странный короткий взгляд. Встретившись с ним глазами, тот вновь недоуменно поджал губы.

Глава 6

Кирби рассчитал время их возвращения с непостижимой точностью – в тот момент, когда Кай, раздраженно отряхивая с волос дорожную пыль, ввалился в холл особняка, Нора заканчивала сервировать стол к обеду. Сам Зорган-старший уже сидел перед пустой еще тарелкой, нетерпеливо поигрывая вилкой.

– Надеюсь, у вас все в порядке? – дружелюбно поинтересовался он вместо приветствия.

– Я не знаю, что вы понимаете под порядком, – усмехнулся в ответ Кай. – Если здоровенный чемоданище времен Гарибальди – то да.

– Кто такой этот Гарибальди? – прищурился Кирби.

Кай дернул плечом, что должно было выражать нежелание пускаться в объяснения, и присел за стол.

Лок и Валерия появились одновременно: Лок – с улицы, Валерия – с лестницы второго этажа. Кай вяло махнул женщине рукой и принялся к содержимому судков с обедом, неожиданно ощутив приступ голода. Это было неудивительно, до Пескары был приличный конец, и всю дорогу он гнал почти на предельной скорости, а вождение тупых и неудобных автомобилей этой эпохи всегда выматывало его похлеще, чем воздушный бой.

– Товара больше, чем мы могли предположить, – сообщил Лок своему брату. – Метта заявил сто семьдесят единиц.

– Он славно поработал, – довольно осклабился Кирби.

Кай покрутил пальцами стоявший перед ним бокал, и Зорган, правильно поняв его жест, поспешно раскупорил бутылку вина. Нора тем временем разлила по тарелкам ароматный рыбный суп и бесшумно исчезла на втором этаже. Кай взялся было за ложку, но, ощутив вдруг на себе пристальный взгляд Валерии, поднял голову.

– Нам предстоит совершить небольшое путешествие, – сообщила она ему.

– Да, – откликнулся с другого края стола Кирби, – леди Валерия считает, что вы должны повидаться с Лизмором.

– Вы собираетесь плыть на своей субмарине в Германию? – неприятно удивился Кай. – Но помилуйте, рейх – это вам не заспанная Италия! Береговая оборона Кригсмарине четко несет службу, и подкрасться к немецкому побережью нелегко. Даже если всплывать ночью и у самого берега... И потом, на всех дорогах полно патрулей, кругом гестапо – без качественных документов в Германии делать нечего!

– А кто говорит о субмарине? – криво усмехнулась Валерия. – Вздор, лорд Харкаан... Мы поедем на поезде через Францию или Швейцарию – как будет удобнее. Мы поедем официально, без каких-либо проблем, заручившись всеми необходимыми визами: вы, вероятно, забыли, что на эту операцию работает вся мощь императорской Службы?

Кай не без труда подавил готовый вырваться смешок. Так вот отчего эти странноватые братцы-разбойнички так облизывают тебя, моя красавица! Разумеется, неисчерпаемые ресурсы Службы позволили им значительно упростить свою жизнь в этом враждебном для них мире. Фактически у них не осталось проблем! Напечатать пару миллионов марок или лир – чего уж проще! Ценные бумаги – какие угодно, документы – любые, а уж о такой мелочи, как золото в виде драгоценностей или просто лома, – об этом и говорить не стоит. Сегодняшний день есть эпоха, отнюдь не блестящая техническим совершенством и насквозь пронизанная самой варварской коррупцией, – следовательно, пресловутое золото легко и бесшумно открывает любые двери и решает любые проблемы.

– Н-да, представители рейха вряд ли откажутся выдать визу каким-нибудь, к примеру, чилийцам или аргентинцам – состоятельным и с претензией на аристократичность, – хмыкнул Кай. – Что, я прочитал твои мысли?

– Почти, – ответила Валерия. – Понятно, что китайские подданные из нас не получатся. Я займусь этим вопросом сегодня же. Если все пройдет нормально, то завтра-послезавтра мы выедем в Рим. Ты был в Риме, Кай?

– Мечтал, но никак не получалось по географии службы.

– Ах да, я все время забываю, что ты надел мундир сразу же после своего появления здесь. Твои родовые наклонности не отпускают тебя...

– Не совсем сразу, но где-то около того. В тридцать седьмом я уже воевал в Испании. Над Мадридом я сбил свой первый самолет – это была «крыса» русского добровольца⁹. Потом я

⁹ «Крысой» франкисты называли советский истребитель «И-16», прошедший через множество конфликтов конца 30-х и вновь схватившийся с машинами Люфтваффе в первые дни войны. Авторитеты считают его лучшим истребителем своей

летал в Польше, валял дурака над Британией... – Он махнул рукой и скривился. – Откровенно говоря, все это было утомительно и скучно. Сукин сын лойт был первым, кому удалось меня свалить.

Валерия рассмеялась. Давнее владение актерским ремеслом помогло ей выразить в своем смешке и презрении и уважение – эмоции несовместимые; Кай в тысячный раз восхитился поразительной глубине этой женщины, способной, как и прежде, уложить целый монолог в один взмах ресниц.

– Ты был самым молодым полковником на всем Саргоне, – сказала она.

Кай промолчал – за месяц до того, как его эполеты украсила полковничья звезда, они допились до полного умопомрачения: Валерия получила вожделенный генеральский стек. Служебные успехи Кая Харкаана вряд ли могли смутить кого-либо, он происходил из известной во всех мирах семьи, давшей человечеству целую плеяду неукротимых и суровых авантюристов, покрывших свое имя немеркнувшей славой еще за несколько столетий до его рождения, – но она родилась в доме священника на захолустной сырьевой планете...

– Чем поможет нам этот Лизмор? – спросил он, сосредоточенно работая ложкой.

– Насколько мне известно, он вхож во многие двери Берлина, – ответила Валерия, – и может открыть их для нас.

– Ты не знаешь Германии, – покачал головой Кай. – Даже если он, прожив в рейхе несколько лет, сумел купить для себя какие-то концы и связи, это вовсе не значит, что он сможет сделать то же самое для нас. Боюсь, что нам придется действовать грубо. А грубые действия в самом сердце «третьего рейха» – это хождение по лезвию ножа... Ты впутываешь нас в смертельно опасные игрища, Лери.

– Я?!

В возгласе женщины было столько эмоций, что Харкаан вдруг подумал: она все воспринимает не просто всерьез. Ее напугали, напугали без шуток и дураков, и теперь она готова переть напролом...

«Бездна с моей плотью, – подумал он с запоздалым удивлением, – а мне, получается, на все наплевать? Рыжий лис настолько привык бегать от своих собак, что его уже не волнует ничто, кроме тех ничтожных сорока-пятидесяти лет, что отпущены ему его телом? Лис запыхался от бесконечного страха, он уже не в состоянии верно оценивать ситуацию?.. Ему нужна всего лишь нора, а все остальное не имеет значения?»

– Прости, – глуховато произнес он на своем родном языке, – я неправильно выразился. Ты должна понять меня.

Взгляд Валерии пронзил его насквозь. Вздохнув, она опустила глаза.

– Мы не будем возвращаться к этому вопросу. Хорошо?

Кай молча кивнул.

* * *

– Приготовьте документы, господа, мы приближаемся к бывшей границе рейха.

Проводник-немец презрительно оглядел сидящую в купе пару («И откуда они тут взялись, эти странные южноамериканцы?»), нехотя коснулся пальцами козырька фуражки и важно двинулся дальше по коридору, повторяя свою дежурную фразу для остальных пассажиров.

– Границы давно нет, а кордоны остались, – хмыкнул Кай, откладывая в сторону ворох накупленных в Париже газет. – Ах, Германия, Германия... порядок превыше всего.

Сидевший напротив него Лок Зорган с любопытством уставился в окно, разглядывая потеющих возле какого-то шлагбаума солдат в традиционных стальных шлемах. Это были

мальчишки третьей линии, и карабины за их спинами висели кривовато. Кай хорошо знал, что подобную службу в рейхе несут только те, кого ну никак нельзя использовать на фронтах, – впрочем, очень скоро и до них дойдут руки, а на их место встанут сорокалетние бюргеры, оторванные русской кампанией от любимого пива. Потные же мальчишки скорее всего украсят своими костями бескрайние российские равнины. Он вздохнул и отвернулся от окна.

Экспресс остановился. Кай решительно раскупорил стоявшую на столике бутылку невероятно дорогого вина, купленную им в Париже, и достал из кармана толстенную кубинскую сигару.

– Радостное лицо, – скомандовал он Локу, слыша, как в вагон вваливается наряд пограничной стражи.

Лок негромко прыснул и охотно протянул руку к наполненному для него бокалу. Кай щелкнул возвращенной ему родной зажигалкой и в задумчивости откинулся на спинку дивана. Наряд продвигался быстро – кроме них, в вагоне-люкс берлинского экспресса ехали только лишь высокопоставленные армейские чины, направлявшиеся из Франции в отпуск.

– Здравствуйтесь, господа. Попрошу ваши паспорта.

Немолодой обер-лейтенант с ленточкой кайзеровского креста был, без сомнения, резервистом, призванным в самое последнее время: его свеженький мундир не успел еще растерять свой характерный складской аромат, хорошо знакомый Каю, который сам недавно получал новое тропическое обмундирование.

Харкаан улыбнулся и протянул заранее вытащенные из кармана паспорта.

– О, герр Венделер – немец? – приятно удивился пограничный чин. – И давно вы в Аргентине?

– Всю жизнь, – радушно улыбнулся Кай, – и всю эту жизнь я мечтал повидать родину своих предков. Моя супруга, – кивнул он в сторону Лока – урожденная синьора Арриго-и-Кавалья из Буэнос-Айреса. С нами едут наши друзья Гарсиа, они в соседнем купе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.